

Смертельный лабиринт

Автор:

Фридрих Незнанский

Смертельный лабиринт

Фридрих Евсеевич Незнанский

Марш Турецкого

При странных обстоятельствах убит известный телевизионный журналист, чьи репортажи всегда носили скандальный характер. За острые, зубастые выступления он имел множество врагов. Московская городская прокуратура, расследуя дело, пытается найти исполнителей и заказчиков убийства, опираясь на материалы самого журналиста. Но следствие затягивается, и общественность недовольна. Дело, как обычно в таких случаях, забирает к себе Генеральная прокуратура. И помощник генпрокурора Александр Турецкий начинает искать преступников, поражаясь, как люди иногда сами себя загоняют в смертельно опасные ситуации.

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Смертельный лабиринт

Эта книга от начала до конца придумана автором. Конечно, в ней использованы некоторые подлинные материалы как из собственной практики автора, бывшего российского следователя и адвоката, так и из практики других российских юристов. Однако события, место действия и персонажи безусловно вымышлены. Совпадения имен и названий с именами и названиями реально существующих лиц и мест могут быть только случайными.

ТРУП НА ОБОЧИНЕ

1

До Нового, 2006 года оставались считанные часы. И поэтому Лида Бородулина, которой недавно, в самом начале декабря, исполнилось наконец четырнадцать лет, что определенно указывало на ее наступившую «взрослость», пусть пока только по паспорту, который она собиралась получать уже в новом году, торопилась.

Новогодний праздник ей впервые в жизни родители разрешили встречать у подруги детства, как с улыбкой сказал папа. То есть у Наташки, учившейся с ней в одном классе – девятом «А» – и проживавшей в том же доме, но этажом ниже. А Наташкины родители собирались отмечать событие в квартире Бородулиных, с которыми, как и их дочери, дружили больше десяти лет – с того светлого дня, когда одновременно получили трехкомнатные квартиры в многоэтажном доме на Снежной улице в Свиблове.

Девочкам было понятно, что родители, давая им разрешение «оторваться» на полную катушку, на самом деле не оставят их без своего внимания и опеки. Конечно, они станут приходить по очереди, поздравлять, желать там всякого, раздавать подарки, а сами действительно «оторвутся» в отсутствие детей. Но это все неважно в настоящий момент, потому что они разрешили пригласить и подруг из класса, кого могли отпустить на всю ночь родители, а главное, мальчиков – без них какой праздник!

Вот с такими мыслями, предвкушая стремительно приближающееся веселье, Лида приготовила себе новогоднее платье, на которое потратила немало выдумки, с тем чтобы прийти и сразу переодеться, после чего отправилась на ежедневную каторгу – выводить на снежок непослушного и своенравного Тузика – белого шпица, который определенно считал, что хозяева просто обязаны дважды в день предоставлять ему полную свободу. И в ожидании наступающего часа он уже заранее начинал лаять, вертеться у всех под ногами и постоянно бегать в переднюю, обнюхивая дверь, – наглядно демонстрировать, что он уже готов, он созрел для обязательного моциона, и пусть об этом никто

не забывает. Ну да, забудешь тут!

Обычно Лида, когда вместе с ней выходила на вечернюю прогулку и Наташка – просто поболтать, на людей посмотреть, пофорсить новым пальто или красивой шапкой, – отпускала Тузика с поводка. И тот немедленно уносился куда-то между домами, в одному ему известном направлении. И вечером, особенно зимой, искать его было делом гиблым, он сам прибежал, выкинув набок красный язык и прерывисто дыша. Где и чем он занимался это время, Лида даже и не пыталась узнать – Наташка была та еще болтушка, и полчаса – сорок минут пролетали незаметно. Но сегодня Наташка была как бы за хозяйку, а Лида должна была подойти к ней ну хотя бы за полтора часа до Нового года, чтобы помочь расставить посуду, так как гости придут за час до курантов, чтобы проводить старый год, как положено. Вообще-то, по соображениям родителей, им положено услаждать себя всякими кока-колами, соками и сладкими напитками, но мальчики ведь обязательно принесут тайно бутылочку, а то и две, легкого вина. Да и без шампанского тоже наверняка не обойдется – праздник так праздник!

Предвкушая торжество и представляя, как она будет выглядеть в новом белом платье из тафты с блестками, словно невеста, Лида решила не рисковать с прогулкой и воли своенравному Тузику не давать. Потому что он убежит, а потом жди его, пока надумает вернуться. И сколько времени уйдет, неизвестно. Ничего, сегодня он побегаёт на поводке, не барин, все равно папа еще раз выйдет с ним среди ночи – раз в доме гости, да еще на большую часть ночи, Тузик никому не даст покоя.

На улице белоснежный песик, полностью сливающийся с «окружающей средой», только под фонарями выдававший себя собственной тенью, попытался было ринуться по накатанной дорожке, но поводок помешал. Он повизжал возмущенно, покрутился на месте, пытаясь выскользнуть из ошейника, однако ни одна попытка не удалась – Лида предусмотрительно надела поводок с двойными петлями – к ошейнику и через все тело под передними лапами – тут не разбежишься. Сообразив, что он привязан прочно, Тузик нехотя побежал по тротуару в сторону Лазоревого проезда, где был большой пустырь и за ним спуск к реке Яузе.

Народу на улице практически не было. Спешили редкие прохожие. Ну конечно, если до наступления полночи осталось что-нибудь два с небольшим часа, поневоле поторопишься. Машины тоже отсутствовали. Падал редкий снежок, и

крупные снежинки мягко садились на рукава дубленой шубки, сверкая в свете фонарей. Красота! Жаль, что Наташка отказалась от вечерней прогулки, – совсем не холодно, но здорово, настоящая новогодняя ночь!

Тузик свернул со Снежной на Лазоревый и вдруг, фыркнув, заторопился, быстро перебирая лапами и до отказа натягивая поводок, и так уже выпущенный до конца. «Куда это его несет?» – подумала Лида, но шага не ускорила. Наверняка там, впереди, он учуял какую-нибудь сучку, до чего ж развратный этот пес! Ничего, обойдется... Сегодня не его день, не его праздник... Поскорее бы уж лапку поднял, что ли... И чего рвется?..

Между тем Тузик чуть ли не до звона натянул поводок и при этом начал как-то странно поскуливать, подвизгивая при этом. Никогда раньше не слышала таких звуков Лида. А тянул он в сторону стоящей впереди, у обочины тротуара, темной машины с включенными фарами. Левая передняя дверца у нее была открыта, но никакого движения вокруг не наблюдалось. Не было рядом людей. Впрочем, может быть, шофер просто распахнул дверь, чтобы покурить в ожидании пассажира? А вдруг в машине сидят бандиты, и они поджидают свою случайную жертву, чтобы схватить ее, запихнуть в багажник и увезти неведомо куда – для выкупа?! Только этого еще не хватало!

На всякий случай Лида свернула на боковую тропинку, протоптанную жильцами ближайшего дома для того, чтобы не обходить квартал, а срезать угол прямо к подъезду. Но Тузик не желал ей повиноваться, и пришлось его завернуть прямо-таки силой. Он подчинился, но скулежа своего странного не прекратил, а, напротив, стал взлаивать – протяжно, с подвывом. Совсем с ума сошел. Что его так тянуло к этой странной машине?

Он затянул-таки Лиду в сугроб, еле выбралась и решила немного Тузика наказать за непослушание. Подтянула за поводок и стала ему строго выговаривать. Он делал вид, что преданно смотрит ей в глаза, а сам косил в сторону машины. Наконец Лиде это надоело, и она постаралась взглянуть, что там, у машины, могло так заинтересовать – или испугать? – собачку? Но если боится, чего рвется туда? Никакой решительно логики!

Всмотрелась и поняла, что возле машины, прямо на тротуаре, лежало что-то темное, будто мешок выбросили с мусором. Такие мешки из черного пластика теперь многие соседи выносят прямо к мусорным контейнерам, а не выбрасывают всякую дрянь в мусоропровод. Наверное, и эти, что в машине,

решили так сделать. Но зачем же посреди улицы? Короче говоря, нечего себе голову ломать вопросами, время идет, а Тузик даже не присел ни разу, разве порядок? И Лида силком потащила собачку по тропинке между деревьями.

Возле парадных дома, к которому она вышла, было все расчищено от снега, ярко светили лампы над козырьками подъездов, а у среднего взрослые и дети устанавливали настоящую, живую елку, собираясь украшать ее игрушками, мишурой и лампочками. Лида подошла поближе – посмотреть. И тут увидела участкового, который частенько навещался в их двор. Его хорошо знали в округе и звали по-домашнему: дядей Сережей. Папа говорил, что он – неплохой мужик, потому и хулиганства в их дворе не наблюдается. Такое вот мнение. Лида немножко подумала и подошла к компании взрослых, которым участковый что-то рассказывал веселое, потому что те смеялись.

– Дядь Сережа, извините, – решила наконец Лида.

– Чего тебе, девочка? – Тот обернулся.

– Понимаете, я с Тузиком гуляю... Я не из этого дома, а со Снежной...

– Ну и что у вас на Снежной? – улыбнулся участковый. – Уже встретили Новый год? Или только собираются? – Он хитро подмигнул ей. – Хороший песик, славный, как зовут? – Он погладил собачку, Тузик разрешил это сделать, даже не огрызнулся – вот же странность! Прямо одно к одному.

– Тузиком.

– Смотри-ка, славное имя! – засмеялся участковый и вместе с ним остальные, повернувшись к Лиде. – Ну и что твой Тузик натворил такого, что потребовало вмешательства милиции в новогоднюю ночь?

Народ веселился, высказывая различные предположения. Но Лиде было совсем не весело.

– Там, – она показала варежкой, – у обочины стоит странная машина. Фары горят, дверца настезь и какой-то мешок валяется. Обычно Тузик ни на какие машины внимания не обращает, а тут просто рвется с поводка и странно воет. Я

испугалась и не подошла, – созналась Лида.

– И правильно сделала, умница девочка, – успокоил участковый. – Тебя как зовут?

– Лида Бородулина, я из дома три по Снежной, на седьмом этаже, квартира восемьдесят девять, второй подъезд.

– Знаю. Ну ладно, мужики, гуляйте, только из окон не выпадайте, а то случилось. С наступающим вас! Пойдем, Лида, поглядим, что там твой Тузик налял.

Мужчины дружно попрощались с участковым и продолжили украшать елку, воткнутую в высокий сугроб.

Машина стояла на том же месте, и мешок по-прежнему лежал возле открытой дверцы. Приближаясь к машине, Тузик словно вспомнил свои обязанности и затянул заунывный вопль.

– Смотри-ка, – обратил внимание участковый, – чует собака...

– Что чует, дядь Сережа? – чувствуя на спине противные мурашки, спросила тихо Лида.

– Что он чует, я сейчас узнаю, а ты постой-ка тут, незачем тебе это видеть, девочка, да еще перед Новым годом.

И дядя Сережа, прямо шагая по неглубокому сугробу, направился к машине. Вот подошел, нагнулся, что-то поделал руками, выпрямился и огляделся. Достал из кармана телефонную трубку и стал куда-то звонить. Потом сунул ее обратно, в карман, и крикнул Лиде:

– Девочка, обогни машину, – он показал руками, – и подойди с той стороны, я кое-что спросить у тебя хочу. Только Тузика своего подбери, не надо, чтоб он тут бегал.

Лида, вслед за рванувшим Тузиком, побежала по тропинке к тротуару, где и взяла собачку на короткий поводок. Приблизилась к машине, дергая Тузика,

который так и рвался к тому мешку. Участковый обошел машину, приблизился. Наклонился и потрепал Тузика по голове и острым ушкам:

– Молодец, собачка, умница... Скажи мне, Лида, ты, когда шла, кого-нибудь около машины или неподалеку не заметила? Я понимаю, что всех в округе знать ты не можешь. Но, может, кто-то показался странным? Бежал там, оглядывался, вообще торопился, идя тебе навстречу, лицо отворачивал, нет? Машины, может, отъезжающие?

Лида стала думать вслух. Людей-то она видела, и все они торопились, что также объяснимо. Куда шли, в каком направлении? В основном к домам – от метро «Ботанический сад». Может, шли и от автобусной остановки, но самого автобуса она не видела.

– Перестань, Тузик! – одернула она собаку, которая так и рвалась к тому мешку. – А еще я видела... Или нет? Показалось?.. Вон оттуда, от Лазоревого, куда мы с Тузиком и направлялись, и пошли бы, если бы не этот его противный вой, повернула туда, к метро, машина. Единственная, кстати, которую видела, кроме этой. Мы уже полчаса гуляем – и ни одной больше не было.

– Какая машина? Примерно как хоть выглядела?

– А как наша «Нива».

– Точно? Не показалось?

– Да нет, я поэтому и не обратила внимания. Если б иномарка какая-нибудь...

– Ну спасибо тебе, Лида, хоть что-то имеем. Значит, полчаса назад?

– Около того. А что произошло, дядь Сережа?

– Ладно, скажу, только ты не бери в голову, а ступай-ка себе домой и празднуй Новый год. Если потребуется что-то уточнить, к вам зайдут, ладно? Только ты скажи родителям, чтоб не волновались зря.

– А из-за чего волноваться, дядь Сережа? – любопытствовала Лида.

Тот вздохнул и нехотя ответил:

– Вот видишь, кому праздник, а кому самая работа... Человека, похоже, убили.

– Как убили? – испугалась Лида, но сразу почувствовала какой-то странный, гнетущий интерес к этому жуткому событию. – Застрелили?

– А почему ты так решила? – с ходу среагировал участковый. – Слышала что-нибудь? Хлопок там громкий, нет?

– Нет, я ничего не слышала. И никого возле этой машины тоже не видела. Иначе бы запомнила. А кто он, убитый?

– Вот сейчас подъедут те, кому это надо знать, и разберутся. А ты близко к машине не подходи, можешь нечаянно следы затоптать. Снег-то свежий, хорошо заметно. Ну иди, хорошо тебе встретить праздник, привет родителям.

Ничего не оставалось, как уходить. Лида взглянула на часы и ужаснулась – время-то как несется! Уже без четверти одиннадцать! Сейчас гости придут, а она все с этим Тузиком не развяжется! Одеться же еще надо, причесаться... Платье новое...

Лида буквально поволокла Тузика, упиравшегося всеми лапами и отчаянно отбрыкивавшегося из-за того, что его лишали столь важного для него зрелища.

– С Новым годом, дядя Сережа! – крикнула она и помчалась домой. Ну будет теперь что рассказать! Жаль только, что нельзя было подойти к трупку поближе, участковый не разрешил, но все равно – это событие на сегодня из ряда вон!..

2

Дежурить в новогоднюю ночь – это, без всяких преувеличений, садизм в чистом его виде. Или мазохизм – черт его душу знает. А может, и то, и другое вместе. Так думал дежурный по отделу внутренних дел «Свиблово» майор милиции Перфильев, принимая за час с небольшим до полуночи телефонный звонок

участкового уполномоченного района «Старое Свиблово» капитана Рогаткина. Вот же беспокойный мужик! Добрые люди уже рюмки наливают, провожая две тысячи пятый год под что-нибудь вкусненькое с хреном, чтоб тот не обижался и зла не таил, а Сергею Захаровичу, вишь ты, труп выпал! Вот же невезение! А что делать? Хоть ребят, дежуривших сегодня, и жалко, а надо давать команду на выезд. «Скорую» Рогаткин уже сам вызвал. Только там не доктор, поди, нужен, а медбрат с носилками и труповозка. Ну что ж, однако, пусть посмотрят... Надо же, не повезло кому-то...

От Игарского проезда до Снежной улицы, где произошло убийство, ходьбы-то пятнадцать минут, а на машине и того меньше, да и транспорта на дорогах сейчас практически нет. Так что если ребятки быстро обернутся, еще и проводить успеют – по крохотулечке, для блезиру, не больше.

Но это так казалось сердобольному Перфильеву, пославшему дежурную бригаду на выезд, даже и не предполагая, какой шум поднимется, когда будет установлена личность потерпевшего и он сам же станет звонить дежурному по городу. Потому что по прибытии на место группа обнаружила там уже вызванную ранее «скорую». И молодая врачиха, которой бы сейчас в парадном платье возглавлять праздничный стол, стояла возле трупа молодого мужчины, лежавшего в скорченном виде на правом боку – как выпал из машины, и не видела для себя никакой работы. Лечащему врачу вообще делать было нечего, только патологоанатому, да и то не здесь, а в морге. И озабоченный участковый, стоя рядом с ней, оправдывался тем, что подумал, будто пострадавшему еще можно помочь. Он же не переворачивал лежавшего на тротуаре человека, а только пощупал пульс на шее. Сперва показалось, что есть, потом – вроде нет. Он же не врач!

И когда подъехал микроавтобус «Газель» с дежурной группой, доктор высказала свои соображения, назвала адрес, по которому надо везти тело, пожелала вновь прибывшим удачи в Новом году, села в автомобиль и укатила в больницу, где дежурившие в сегодняшнюю ночь врачи, медсестры и нянечки наверняка уже накрыли небольшую «полянку». Счастливая!..

«Газель» развернули таким образом, чтобы она своими фарами могла хорошо осветить место происшествия. Врач, надо отдать ей должное, поступила грамотно, возможных следов не затоптала. Тут иначе обстояло дело. Оставленные, вероятно, убийцами следы были ими же, скорее всего, тщательно разметены, непонятно только чем: никакого веника рядом не было. Но кое-что

найти еще было возможно. И эксперт-криминалист немедленно этим делом занялся. А судмедэксперт взялся за осмотр трупа.

Из карманов покойного были извлечены фактически пустой бумажник, удостоверение, какие-то сложенные вчетверо документы, а из брючного кармана несколько небрежно смятых стодолларовых купюр. Все это руководитель группы разложил на столике в «Газели» и принялся изучать. Ни паспорта, ни телефона не обнаружили. Оперативник же завел разговор с участковым, обнаружившим труп здесь, на обочине.

Поначалу дело казалось рутинным, как при всяком выезде «на труп». Судебный медик нашел два огнестрельных ранения головы потерпевшего, причем одно было касательным и особого вреда нанести не могло, зато другое оказалось несовместимым с жизнью. Первая пуля задела висок, но лишь содрала кожу, и, вероятно, искать ее надо будет где-то под обивкой салона машины – снаружи корпуса выходного отверстия не нашли.

– Скорее всего, – заметил судебный медик, – при первом выстреле голова молодого человека откатнулась в правую сторону и назад, а вторая пуля вошла ему в голову над височной костью, застряв в черепе. Выходного отверстия не нахожу. Эта рана и оказалась смертельной для него.

Стреляли, по его убеждению, с близкого расстояния, но и не дальше трех метров.

– Следовательно, – подсказал он эксперту-криминалисту, – следы убийцы надо искать именно на таком расстоянии.

Они ручным уже фонарем осветили предполагаемое место, где находился убийца, и действительно обнаружили в невысоком сугробе вдоль тротуара два следа, напоминавших те, что оставляют женские сапоги на средних каблуках. Проверили еще раз и увидели, что следы эти начались еще на проезжей части дороги, а потом продолжились за машиной и снова исчезли на проезжей части. Можно было предположить также, что женщина не стояла здесь в ожидании своей жертвы, а просто шла мимо и, увидев лежавший труп, обогнула его, зайдя даже в сугроб, и поспешила дальше.

Принялись за участкового, который уверял, с чужих слов, со слов случайной свидетельницы, девочки из соседнего дома, которая тут прогуливалась с собачкой, что здесь никто, по ее утверждениям, не проходил. Правда, никаких собачьих следов с этой стороны машины обнаружить не удалось. Но, опять же, откуда ей, этой девочке, было знать, сколько времени тут простояла машина? Одним словом, нужна девочка.

Участковый Рогаткин предложил вызвать ее для уточнения завтра, все-таки Новый год через минуту-другую, но следователь, которому этот выезд был, что называется, серпом по одному болезненному месту, оказался формалистом.

– Ты знаешь, где она живет, вот и приглашай немедленно.

Ох и разозлил же он Рогаткина!

– Ну раз ты такой настырный, капитан, – веско сказал Сергей Захарович, – ступай сам и ищи по квартирам, подходящее время нашел, людям настроение портить. Вон он, дом ее, а в какой квартире живет, не знаю. Лидой зовут, устраивает? Валяй, обходи все квартиры, там тебя тепло встретят!

Сам капитан милиции, Рогаткин не терпел дурацкого формализма. Сказала же девочка, что никого рядом не видела, чего ему еще? Надо, чтоб увидела?

Кажется, его злость подействовала на следователя.

– Ладно, – сказал тот недовольно, – завтра сам уточни и пришли ее ко мне на Игарский. Если малолетка, пусть с родителем пожалует... Ну чего, вызываем труповозку?

– А кого хоть замочили? – поинтересовался оперативник.

– В ксиве написано: Морозов Леонид Борисович, сотрудник РТВ, тележурналист. Это чего означает? Который по «ящику», что ли, вещает?

– Как ты сказал? – насторожился Рогаткин.

– Да Морозов же, – поморщился следователь. – Этих Морозовых как собак!..

– Леонид Морозов, говоришь? – повторил участковый. – Телик тебе, капитан, надо смотреть иногда, тогда б ты знал, кто он. Это же «Честный репортаж»! Что, не в курсе? Ну ты даешь! Народ рассуждает так, что его после каждого репортажа запросто могли бы «замочить». Он таких людишек за задницу берет, что ой-е-ей! Такой криминал вскрывает! Поэтому, если не хочешь больших неприятностей на свою шею, звони-ка поживей в «город».

– Считаешь, надо? – забеспокоился наконец следователь. – А интересно, как он тут оказался? Что, живет поблизости?

– Так это ты и выясняй, – с насмешкой посоветовал участковый. – Прямо завтра с утра и начинай бегать. А я не знаю, где он живет. Я его тут не видел ни разу, иначе б узнал... Ну ладно, ребята, если я вам больше не нужен, я пошел. Мой опорный в седьмом доме, если что, заезжайте. А я схожу за порядком пригляжу...

И он ушел, а бригада осталась ожидать труповозку. Следователь же принялся названивать дежурному, чтобы поделиться с ним «приятной» новостью. Но дежурный долго не отвечал. Посмотрев на свои часы, следователь чертыхнулся: именно сейчас часы на Спасской башне Кремля били свои положенные двенадцать ударов, а вся страна стояла с полными бокалами в руках, ожидая двенадцатого удара, чтобы хором заорать на весь белый свет: «Ур-ра-а-а!!!».

А группа стояла как в воду опущенная.

– Слышь, Евсеич, – обратился следователь к судмедэксперту, – у тебя там, часом, не завалялось капель по пятьдесят?

– Полагаешь, надо? – спросил тот.

– А мы что, не люди?

– Правильно, – поддержал оперативник. – А ты, Колька, дома тяпнешь, – сказал он водителю.

– А у меня, мужики, пара бутербродов с колбасой от ужина осталась, – заявил криминалист. – Так ведь и не съел, словно душа чуяла, что еще пригодятся.

Ломайте пополам.

– Давай, мужики, с Новым годом, – печально произнес тост следователь, – и чтоб «глухарей» поменьше.

– А зарплаты – побольше, – в тон ему добавил оперативник, принимая от следователя стаканчик со своей мизерной порцией спирта. – Надо же, не повезло парню... И когда? В самый Новый год.

– Значит, крепко его кто-то не любил, – заметил судмедэксперт, завершая круг после криминалиста, выпившего молча. – Что ж, земля ему пухом, а нам, так уж и быть, во здравие...

3

Старший следователь Управления по расследованию бандитизма и убийств Московской городской прокуратуры, советник юстиции Сергей Климов, которому выпало дежурить первого января, был уверен: как он пройдет, этот день, таким будет и весь год. И если день окажется сволочным, значит, и в наступившем году нечего мечтать ни о следующем звании, ни о прибавке, естественно, к зарплате. И отправился на службу – трезвый и хмурый, ибо встретил праздник не у себя дома, а в кругу своей немногочисленной родни, толком даже и не выпив. Он же знал, да и все вокруг знали, что с утра ему на работу. А теперь, в полупустом вагоне метро, он с закипающей в нем злостью наблюдал за немногочисленными нарядными пассажирами, как правило парами, которые неторопливо и устало возвращались из веселых компаний к себе домой, чтобы сперва отоспаться, а потом, к обеду, хорошенько опохмелиться. У них у всех... ну у большинства, впереди были целых десять свободных дней! Гуляй – не хочу!

А вот внешность Сергея Никитовича являлась полной противоположностью его мрачному характеру. Если кто помнил известное репинское полотно, где пьяные запорожцы пишут хамское письмо турецкому султану, тот не мог не обратить внимания на фигуру черноусого казака в черной папахе, сидящего за столом – слева от зрителя. Так вот, Климов, несмотря на то что был чистокровным донским казаком, определенно смахивал на того запорожца – и удивленным своим видом, как бы навсегда приклеенным к нему, и пышными вислыми усами.

Папахи только не носил – чего нет, того нет. Короче говоря, внешность запоминающаяся, колоритная, иначе и великий Репин не стал бы помещать подобный типаж в центре картины.

Поэтому, видимо, и некоторые культурно воспитанные граждане малость остолбеневали при виде Климова – он им определенно кого-то знакомого напоминал, а вот кого, догадывались редкие из них. Самому Климову давно надоела эта «похожесть», и он бы изменил свой внешний имидж, но было жаль усов с пышными подусниками, такие долго и тщательно надо растить.

Ну, короче говоря, свое послепраздничное тяжелое настроение сердитого завистника и брюзгливого старика, хотя лет ему было отнюдь не так много, всего к сорока годам подходил, он и принес к себе в кабинет, пытаясь угадать, что ему пошлет-таки судьба – удачу или?..

А оказалось, что судьба уже «позаботилась» о нем, и еще со вчерашнего вечера его ожидал, что называется, новоиспеченный труп. Плохо начинать год с покойника, тут двух мнений быть не могло. Дежурный ГУВД по городу, которому доложил об убийстве известного телевизионного журналиста и произведенных предварительных оперативных действиях руководитель дежурной бригады ОВД «Свиблово», поставил в известность о происшествии коллегу из Мосгорпрокуратуры, а тот, зная, кто его сменит, оставил сообщение из сводки ночных происшествий Сергею Никитовичу Климову. Предпринимать какие-то действия новогодней ночью было в высшей степени бессмысленно – это понимали все причастные к этому делу, раз по горячим следам ничего выявить не удалось. Даже о самом журналисте узнали подробности только под утро, когда удалось дозвониться до дежурного на телецентре.

В общем, если представить себе лесенку, по которой шла информация о происшествии, то она выглядела так: от участкового уполномоченного – к дежурному ОВД «Свиблово», от руководителя оперативно-следственной бригады – к дежурному по ГУВД, а дальше известие пошло по двум направлениям – на телевидение и в Мосгорпрокуратуру. И те, и другие вышли на последнюю инстанцию – к дежурному Генеральной прокуратуры. Ну а дальше волны покатались к руководству той и другой организаций, а встретились они, то есть пересеклись, наложившись одна на другую, у помощника главы кремлевской администрации. У последнего, разумеется, не было с утра иных неотложных забот, кроме как немедленно начать заниматься изучением важнейшей проблемы очередного наступившего года, другими словами,

выяснять вопрос: почему застрелили ведущего телевизионного деятеля, чьи репортажи всегда вызывали негативную реакцию общества в отношении собственной же демократической власти? Это и в самом деле черт знает что, если вдуматься! Продолжают убивать совесть России!.. Мало им?.. И начнутся перечисления погибших глашатаев, дела по которым до сих пор так и не завершены. Значит, кому докладывать? Главе администрации? А может, сразу самому президенту? В принципе происшествие того стоит – опять ведь всколыхнутся все средства массовой информации, начнутся гневные протесты, широковещательные заявления для печати, митинги возмущенных коллег...

А как же иначе? Ведь такой всем гражданам России шикарный новогодний отпуск Государственная дума преподнесла! Чем же им сейчас еще заниматься, когда других дел нет? Конечно, протестовать и обвинять! А там, следом, и европейские правозащитники свое веское слово скажут! Опять, мол, в России «глашатаев свободы и демократии» убивают! Доколе?! И вообще, стоит ли принимать страну, не сумевшую еще освободиться от оков тоталитаризма, во Всемирную торговую организацию? Ну а как вся эта очередная международная свистопляска начнется, как только прилетят «первые ласточки», тут и президент захочет успокоить общественное мнение. Выступит специально либо воспользуется случаем, например приездом кого-нибудь из важных зарубежных коллег, чтобы сообщить гражданам свободной и демократической России о том, что расследование трагического происшествия взято им под личный контроль...

Размечтался Климов в ожидании дальнейших указаний для себя лично. Ясно же, что на уровне Бабушкинского отдела внутренних дел это трагическое происшествие никто не оставит. А если расследование передадут ему, то здесь тоже могут маячить два варианта последствий. Либо он с этим делом выйдет на куда более высокий уровень, где он станет заметным, где о нем заговорят наконец, либо же сломает себе шею, и останется убийство «глухим висяком», как уже стали ими уголовные дела, возбужденные по убийствам Листьева, Холодова и других журналистов. И не только у нас, но и в бывших братских республиках, ставших суверенными странами... Нужен только очередной повод, чтоб сразу всех вспомнили.

И пока он сидел в ожидании этих указаний, судьба в лице руководителя канала РТВ, Геннадия Васильевича Сапова, в буквальном смысле ошарашенного трагической вестью, соединила его с московским прокурором, меньше всего ожидавшим подобного рода происшествий в то время, когда он с большим удовольствием завтракал в окружении собственной семьи. И то, что его

оторвали от этого приятного занятия, он воспринял крайне негативно, что и собрался было уже высказать позвонившему.

Но когда он, после кратких традиционных поздравлений, услышал об убийстве, и не кого-нибудь там, а того самого Леонида Морозова, который не раз доводил прокурора до бешенства своими риторическими вопросами в адрес городской прокуратуры и лично господина прокурора, мгновенно возникшее было облегчение сменилось глухой тревогой – ведь теперь дышать не дадут! На голову сядут, советами сверху замучат...

Еще подумал, пока гендиректор РТВ в ожидании «высокой» резолюции «висел» на проводе: а может, попробовать перекинуть? Мелькнула такая мысль, показавшаяся не самой бесплодной в данный момент.

– Я в принципе уже в курсе, сводки ГУВД по городу и так далее. Понимаете?

Гендиректор подтвердил свое понимание.

– Но происшествие случилось в середине ночи, и на месте уже побывала опергруппа во главе со следователем, – продолжал прокурор. – Поэтому нам необходимо какое-то время, чтобы разобраться с этим печальным событием с целью возбуждения уголовного дела по факту смерти известного журналиста. И, во-первых, ответить для себя на главный вопрос: что это было? Заказное убийство, связанное со служебной деятельностью указанного лица, или чья-то месть, к примеру на бытовой почве? Зависть к удачливому журналисту? Оскорбленный муж, например? Это – живая жизнь, в ней всякое случается. Может быть также и масса иных версий происшедшего, которые, скажу вам откровенно, насчитываются в нашей работе иной раз десятками, если не больше, при аналогичных убийствах. И все они потребуют, разумеется, самой тщательной проверки. Потому что придется опросить огромное количество людей.

– Нет, ни о каких бытовых версиях здесь не может быть и речи, Прохор Петрович, – раздраженно настаивал Сапов. – Причину мы видим именно и только в профессиональной деятельности Морозова. Он успел многим основательно потрепать нервы, проще говоря, насолить, ибо постоянно поднимал острейшие современные проблемы, которые мало кто хотел бы видеть обнародованными. Впрочем, не вам мне это говорить, уж вы-то тоже, я знаю, вполне могли иметь к

нему претензии по собственному ведомству.

Со стороны гендиректора какого-то там телевизионного канала это был уже неприличный, даже непозволительный выпад, который мог привести к нехорошим выводам, будто Московская городская прокуратура, раскритикованная в отдельных материалах тележурналиста, была заинтересована в его физическом устранении. Этак ведь и черт знает до чего можно дойти! Следовало дать отповедь!.. Но, подумав, прокурор решил не реагировать никак, мог же он не расслышать бормотание явно не совсем еще протрезвевшего «телевизионного чиновника», неизвестно как сумевшего дозвониться к нему домой? Вполне мог.

– Я понял вашу мысль, – сухо ответил прокурор. – Будьте любезны оставить ваши координаты у дежурного прокуратуры, и вас известят о наших дальнейших действиях. Всего вам хорошего в Новом году.

Трубка была положена, но настроение не улучшилось. Еще поразмышляв, прокурор раскрыл свою телефонную книжку и нашел фамилию первого помощника генерального прокурора. Набрал его домашний номер. Почти сразу услышал ответ:

– Турецкий слушает.

Прокурор поздоровался, поздравил с праздником, пожелал здоровья домашним и услышал в ответ те же самые пожелания. Заговорил о деле. Точнее, проинформировал, полагая, как он оговорился, что дело это не рядовое и средства массовой информации с шеи теперь, конечно, не слезут. Турецкий согласился, но спросил, что, собственно, хотел бы услышать прокурор? Кто проводил предварительное расследование, уже ясно. Он согласен с прокурором, что ОВД, вероятно, не тот уровень, на котором должны расследоваться подобные преступления, но Мосгорпрокуратура, в которой всегда были отличные кадры профессионалов, по его мнению, вполне сможет справиться с этой ответственной задачей. Если, конечно, как это нередко случается, ходоки из телевидения не доберутся до «верхних этажей», что также не исключено, и тогда наверняка вынуждена будет вмешаться и Генеральная прокуратура. А пока надо работать. Во всяком случае, генеральному прокурору он обязательно доложит, что городская прокуратура с ходу, несмотря на праздничные настроения, включилась в расследование. Это хороший тон, даже если проявит интерес кто-то из кремлевской администрации, что не исключено, можно быть

спокойными по поводу их реакции.

– Работайте, – дружески посоветовал на прощание Александр Борисович Турецкий, вовсе и не подозревавший, что через короткое время ему будет официально предложено лично возглавить расследование дерзкого заказного убийства, снова, в который уже раз, связанного с профессиональной деятельностью честного и порядочного тележурналиста. А пока Турецкий вернулся к столу, решив, что новость может малость и обождать. Хотя бы до тех пор, пока он, его жена Ирина и дочь Нина не закончат праздничный завтрак. Они и так уже волчицами смотрели на него, пока он держал телефонную трубку и маялся, слушая этого осторожного зануду – московского прокурора. Но, как говорится, положение обязывает. А Косте Меркулову, заместителю генерального прокурора по следствию, он, разумеется, позвонит, но позже, надо же и ему позавтракать, зачем же портить аппетит человеку, который уехал вместе с супругой от Турецких только в начале пятого часа утра? Да и то уходили неохотно, и только по той причине, что Слава Грязнов, заместитель начальника Первого департамента МВД, обещал их подвезти прямо к подъезду. Но на пятый этаж, что немедленно выдвинул в качестве условия для своего отъезда Костя, поднимать их в своей машине, естественно, отказался. Лифт есть, ничего, не баре, ножками, ножками!.. Гости хохотали, хозяйева были довольны – Новый год встретили по высшему разряду и, главное, в кругу самых близких и дорогих людей. Ну и как же после этого можно было звонить тому же Косте ни свет ни заря? Пусть отдохнет, наберется сил, придет в себя, наконец. Все равно «городу» заниматься, пусть не перекладывают свой груз на чужие плечи!..

Таким вот образом «вопрос» добрался до одной из верхних ступеней и вернулся вниз. Климов, ожидавший решения по поводу своих сомнений, получил от прокурора конкретное указание – отставить в сторону все незавершенные и незакрытые дела и приниматься за новое. Можно включить в состав своей следственно-оперативной бригады тех свибловских, которые уже проводили предварительное дознание. До очередного указания, которое может последовать. Короче, не надо терять времени, его за прошедшую ночь и так много уже упущено.

Хотел бы знать Климов, или, может быть, кто-то подсказал бы ему, что ли, что конкретно лично он «упустил» за прошедшую ночь? Но советчика или подсказчика «под рукой» не было, и подполковник юстиции снял трубку, чтобы звонить в ОВД «Свиблово» и «обрадовать» тамошних ребят своей новостью. Только этого им и не хватало, поскольку они наверняка уже разъехались по

домам после ночного дежурства – если не отмечать с опозданием, то хотя бы отоспаться. А самому Климову предстояло ознакомиться с добытыми свидетельскими показаниями, протоколом осмотра места убийства, заключениями экспертов, которые те успели сделать, а также с первоначальными версиями, которые уже выдвинули по факту убийства свибловские ребята. Значит, надо, чтобы сюда, к нему, доставили все материалы, изучить их и, скорее всего, выехать на место происшествия, а затем наведаться по месту жительства и на службу покойного журналиста. И он стал писать постановление на проведение обыска в квартире покойного и в его служебном кабинете, где бы таковой ни находился.

4

Новогоднее утро, точнее, уже начало дня, шел двенадцатый час, было прекрасным – тихим и солнечным. Снег искрился, за ночь его напало немало, и он лег ровным пушистым ковром, который, словно рассыпанный пух, вздымали проезжавшие мимо автомобили.

Осмотр места убийства производили ночью, при фонарях и свете фар милицейского микроавтобуса. А теперь никаких следов уже не наблюдалось. Тем не менее Климов, с помощью участкового уполномоченного Рогаткина, отыскал единственную свидетельницу, которая к их приходу в дом номер три на Снежной улице сладко спала, и во сне ее ловко переплетались веселые события прошедшей в бесконечных танцах и флиртах новогодней ночи и сладкие мысли о том, что ее одноклассник Володька явно выказывал ей предпочтение перед жутко, оказывается, честолубивой Наташкой, которая под конец праздника даже стала немного дуться на нее, Лиду, якобы стремившуюся увести у нее кавалера. «Ну придумает же!» – улыбалась в полусне Лида, чувствуя себя необыкновенно счастливой.

Но ничто не вечно, и уж тем более счастливый сон. Ее разбудила мама и сказала неприветливым каким-то тоном, что на лестничной площадке ее зачем-то ждут два милиционера. Интересно, что она успела натворить, пока родители думали, что у детей все в порядке?

Вопрос был непонятный – какие милиционеры? Но, лениво одеваясь – «Никуда эти дяди не уйдут, подождут» – и беспрестанно зевая, вспомнила девочка, что произошло вечером на улице, когда она выгуливала Тузика. Наверное, пришли расспрашивать еще раз, как сказал вчера дядя Сережа, участковый. Ну конечно, в своей компании она всем про жуткое убийство рассказала, а вот родителям забыла, да и времени утром на разговоры не было – так спать хотелось.

Дядя Сережа в форме и незнакомец в обычной одежде долго вытирали мокрые ботинки в прихожей, а потом Лидин папа пригласил их на кухню. Там уже во весь рот зевала Лида. Родители были, конечно, немножко в шоке оттого, что она им ничего не рассказала, но быстро успокоились, когда Лида стала повторять почти дословно все то, что вчера говорила дяде Сереже.

Незнакомый молодой дядька с пышными черными усами внимательно слушал ее, а участковый, тоже позевывая, поглядывал в окно, словно ему было неинтересно и он слушает исключительно из вежливости. Потом Лида ответила на совсем простые вопросы незнакомца, после чего гости поднялись, извинились, пожелали хорошего Нового года и ушли, потому что ничего нового она им рассказать не могла.

Папа совсем не рассердился, мама просто пожала плечами – для них тоже ничего интересного в Лидином рассказе не нашлось. И девочка отправилась досыпать, досматривать сон, чтобы узнать, чем же кончится ее конфликт с Наташкой, который вчера ничем так и не закончился...

Климов не был формалистом. Он понимал, что свибловской дежурной бригаде надо выспаться хотя бы немного, поэтому не стал их собирать у себя в кабинете. Ему сейчас для лучшей ориентировки на местности вполне хватало участкового Рогаткина, который знал людей, проживавших в нескольких ближайших кварталах. Но журналиста Морозова, да к тому же «широко известного», он не знал, не было в соседних домах такого.

Климов достал свои записи и уточнил: журналист жил на улице Чичерина, и ему в кадрах на телевидении сказали, что это в «Свиблово». Но Рогаткин возразил, что говорить они могут любую чепуху, а вот улица Чичерина относится к Бабушкинскому ОВД, другими словами, это не его, Рогаткина, район, и у соседей лично ему делать нечего. И так уже Новый год испорчен.

– А чего ж у вас-то обнаружили? – задал совсем уже глупый, по мнению участкового, вопрос следователь.

– А ему, может, так удобнее было ехать к себе домой, – парировал Рогаткин. – А если б нашли его на Красной площади, чего б вы делали? В Кремле бы народ опрашивали?

Но Климов игнорировал неуместный вопрос и спросил только, как ему удобнее проехать на Чичерина? И кстати, как туда обычно ездят?

– А вот так и ездят, как им удобнее... По Снежной – до метро, а там Енисейская пересекает Чичерина.

Объясняясь со строптивым участковым, Климов уже сожалел, что не вызвал кого-нибудь из той бригады – какая-никакая, а помощь была бы. А теперь придется искать помощников в соседнем ОВД.

– А где у них расположен отдел внутренних дел?

– На Енисейской же, рядом с метро, по-моему, двадцать третий дом. Да там покажут.

– Ехать удобнее... – проворчал Климов по поводу объяснения участкового. – Это как же понимать? Значит, он остановился, или его остановили, он открыл дверь, и его застрелили, так выходит? Два выстрела, и никто не слышал? Бред какой-то, сами подумайте. Вам это разве не приходило в голову? Вы ж там все недалеко, фактически рядом были! И никто ничего не видел, никто двух – подумайте: двух! – выстрелов не слышал? Уши, что ли, от праздничного настроения всем позакладывало?

– Вот интересный случай! – будто даже обрадовался Рогаткин возможности уличить следователя в несообразительности. – Подумайте головой, в какое время это было, ну? Подсказываю: до Нового года час или чуть больше. Во всех дворах мальчишки, да и взрослые дураки тоже, петарды рвут, фейерверки запускают! Даже бездомные собаки, которые уже ко всему привыкли, и те грохота не выдерживают! А вы про какие-то выстрелы...

– Да, вы, пожалуй, правы, не сообразил, – извинился Климов. – Ну ладно, спасибо и на этом. А ваших, свибловских, мне приказано включить в следственно-оперативную бригаду, так что торг насчет того, кому какой район ближе, здесь неуместен. Благодарю вас, свободны. Хорошо вам отдохнуть в Новом году.

И вот только теперь Рогаткин почувствовал нечто вроде укола совести. Человек же не виноват, что на него в это утро убийство повесили. И опять же, он – на «вы», уважительно. Нехорошо получается, потому как что ни говори, а коллеги. Наверное, надо бы помочь, как говорится, здесь-то он вроде у себя, хозяин...

– Ладно, я вот чего подумал. Давайте-ка я вас провожу, чтоб вы не плутали в наших переулках. Мне обратно недалеко, автобусом пяток остановок, доберусь.

В ОВД «Бабушкинский» Климова встретил дежурный майор, видно только что приступивший к дежурству, и вид он по этой причине имел кислый. Ему бы кваску с хреном, да похолоднее, либо рассольчику огуречного, с чесночком. Впрочем, сошел бы и от квашеной капусты – из бочки. Про пиво и думать ни-ни! И вот все эти мысли легко прочитал на лице майора капитан Рогаткин, человек опытный в житейских делах. А с мужчиной, у которого на лице и в душе полный раздрай, говорить о серьезных вещах, таких как убийство и, соответственно, оперативно-следственные мероприятия в этой связи, тем более обсуждать их – это значит просто не понимать сути самой жизни. Ему показалось, что и Климов, как тот полицейский доберман, готов немедленно взять след и бежать по нему без остановки, куда бы тот ни привел. Но только все это красиво в американском кино про полицейских, а у нас так не бывает. Если не взяли преступника по горячим следам, ничего не попишешь, приготовься к бесконечной рутине, которая не так уж и редко заканчивается очередным «глухарем» и втыком от начальства. Которое то же самое схлопочет, но только от более высокого начальства. Ну а тем, «высоким», тоже достанется свое. Потому к делу надо относиться без спешки.

Рогаткин не хотел вмешиваться в не имеющее к нему прямого отношения расследование, но почему не подсказать? Впервой, что ли?

– Вы извините, товарищ подполковник, – обратился он к Климову, видя, что дежурный еще с трудом врубается в ситуацию. – Я б на вашем месте не терял времени, а посетил бы квартиру этого Морозова. Новый год все-таки, человек к себе домой мчался. И не приехал. Там же небось невеста что творится!

– Да, я так и думаю сделать. – Климов пожал плечами.

– Ну раз так, тогда я пошел.

– Нет, ну погодите! Если у вас есть какие-то дельные мысли, почему не высказать?

– Да это не мысли, а так... Вот смотрите. Новый, стало быть, год. Человек мчится домой. Это если домой – тоже надо знать. И вдруг останавливается почти у дома. Ну не совсем почти, но недалеко, вы сами видели – на машине меньше десяти минут. И это при интенсивном уличном транспорте. А ночью какой транспорт? Значит, остановился. Почему? Кто его остановил, когда человек торопится? Там, между прочим, я говорил, возле места, где лежал труп, в снегу были следы женских сапожек. И она стояла, наверное, не одну минуту, то есть не проходила мимо, а именно стояла. Может, ждала. И может, именно его. Не знаю. Но он остановился, открыл дверь, после чего был убит двумя выстрелами в голову, верно? Причем одна пуля прошла почти по касательной, а вторая угодила точно в висок. А если учесть, что ночь, там темно – девочка-свидетельница даже и не поняла, что человек лежит, она мне про мешок говорила, который на тротуар выбросили, вот, – то я бы сказал, что стрелял профессионал. В женских сапожках? Много вы таких видели?

– Интересно, – заметил Климов. – И что же вы сами по этому поводу можете мне подсказать? Я, честно говоря, буду очень вам, Сергей Захарович, признателен за любую дельную подсказку.

– Хорошо, подсказываю. Я, правда, уже говорил той бригаде, не знаю, записали или нет, читать мне было недосуг, да и они торопились – Новый же год был на носу! А сказал я им следующее. Вот женщина. Скажем, вам, когда вы сильно торопитесь домой по известной причине, захочется остановить свою машину из-за какой-то совершенно незнакомой вам женщины?

– А почему нет? – ответил Климов.

Дежурный майор, тяжело поводя головой из стороны в сторону, старался сосредоточиться.

– Ну если вы – вежливый человек... Если женщина молодая и красивая... И не какая-нибудь там путана, верно? На кой вам путана, если вы к себе домой мчитесь? К семье и детям? И Новый год на носу?

– Это ж еще надо знать, есть ли у него семья и дети? – внес наконец и свою лепту дежурный.

– Верно, и я об этом. – Рогаткин удовлетворенно кивнул. – Но есть еще деталь. При предварительном и, как оказалось, первом и последнем осмотре места убийства было зафиксировано, что следы на тротуаре были не затоптаны, а как бы сметены. А за ночь нападало достаточно свежего снега. Зачем той же путане нужно уничтожать следы? Причем не все, а только на тротуаре? В сугробе-то они остались. Правда, и их тоже засыпало, я показывал. Странная получается у нас путана, да?

– Ну-ну? – уже заинтересованно поторопил Климов.

– Я так полагаю, что не баба или там девка его остановила. А тот, кто потом стрелял и следы замел за собой.

– А зачем была нужна женщина? – недоуменно спросил Климов.

– А я еще и сам не знаю. Я про мужика думаю. И опять же возвращаюсь к своей мысли. Ночь. Сейчас, ну через час, Новый год. Парочка опаздывает на праздник – реально?

– Вполне! – веско подтвердил майор.

– Пытаются остановить машину. Никто не останавливается. Да к тому же и машин очень мало. Девочка говорила, что всего одну и заметила – кстати, «Ниву», которая отъехала от Лазоревого проезда, когда «мешок» уже лежал на земле. Значит, нет машин. А наш сердобольный, стало быть, телевизионный журналист остановился, чтобы спросить, что надо, и подвезти, лишнюю сотню срубить, да? А у него этих сотенных, может, полный бумажник был? Да не «может», а на самом деле наверняка был. Там, из его брючного кармана, несколько сотенных, американских, достали! Так на кой ему «деревянная» российская? И тем не менее остановился, да?

– Получается так, – уже задумчиво произнес Климов, с уважением глядя на участкового – смотри-ка, простак простачком, а шарики шурупят! – И к чему вы клоните?

– Да я еще толком и сам не знаю, – сознался Рогаткин. – Но мысль имеется... Мне думается, что баба в тех сапожках была ни при чем. Или наоборот, как раз причем. Но главным там был мужик, который потом следы смел. А про сугроб просто забыл либо не обратил внимания. То есть каждый божий день ему «мочить» заказанных клиентов не приходилось. Хотя могут быть и другие варианты. Тем не менее следите за мыслью? Он остановил ночью машину. И у нашего журналиста была причина остановиться. Вопрос: какая? Вот вам задачка на сообразительность. Думайте, а я выйду покурю пока.

Рогаткин сказать-то сказал, даже сигарету достал с зажигалкой, но на крыльцо не вышел – все стоял и смотрел, как подполковник и майор решают его задачку. Нет, не решили. И тут настал момент его торжества. Они посмотрели на него с виноватым видом. Точнее, виноватым себя чувствовал Климов, майору все было по барабану. Но – тоже любопытно.

– Объясняю! – взмахнул сигаретой Рогаткин. – Из всех случаев там мог быть только один, а в остальных журналист проехал бы мимо.

– Ну не томи, капитан, – недовольно пробурчал дежурный.

– Его мог остановить только милиционер. В форме и с жезлом! – торжественно сказал Рогаткин.

– Ну ты и додумался. – Майор даже фыркнул пренебрежительно. – Нашел виноватого!

– Погодите! – Климов тоже поднял руку. – Капитан прав. И я бы остановился, если бы мне приказали прижаться к обочине. Слушайте, вы молодец! Как дошли?

– Да я еще со вчерашнего думал... – как-то застенчиво признался Рогаткин. – Поставил себя на место покойного, смотрю, ничего не сходится. Тогда сделал наоборот, и получилось. Потому что я в форме! Пусть только попробует не остановиться! Он у меня праздник встретит в первом же «обезьяннике», вот как!

Или, по вашему мнению, бывают другие варианты?

– А что тогда там делала женщина? – спросил Климов.

– А она могла как раз и быть той самой заказчицей. Или сообщницей.

– Верно, либо наоборот. – Климов задумчиво кивнул. – Ей, к примеру, остановили машину, а она всадила пулю.

– Две, – напомнил Рогаткин.

– Верно, но одну она промазала. Она дальше стояла от машины, вы сами говорили.

– Говорил. А мужик, стоящий почти вплотную к остановившейся машине, не промазал бы.

– Ну и загадочку вы загадали, Сергей Захарович!

– Не без того, – усмехнулся Рогаткин. – Специально к Новому году приготовил, Сергей Никитович. А может, женские следы вообще не имеют никакого отношения...

Оба засмеялись, хотя видимого повода для шуток не было. Но просто наступил момент некоего облегчения, когда кажется, что появилась наконец хоть малая, но ниточка, за которую можно потянуть. А уж что вытащишь – это, как говорится, дай Бог, чтоб повезло. Но стало ясно Климову, что из всех выкладок участкового вырисовывается уже, что ни говори, первая версия. И работать придется в тесном окружении лиц, близких покойному.

Постановление о проведении обыска лежало у Климова в кармане, адрес покойного ему был известен. Дело было за помощниками. И тут уже сумел наконец оценить важность вопроса дежурный майор милиции Сватков. Он

выделил в распоряжение Климова дежурную же следственно-оперативную бригаду Бабушкинского ОВД, забивавшую от нечего делать «козла». Чем так сидеть, пусть хоть каким-нибудь делом займутся. Тем более что в первый день Нового года тяжких преступлений на памяти майора еще не случилось – мелочовка больше: бытовые драки по пьяному делу, поджоги от неосторожного обращения с огнем, травмы от некачественных китайских фейерверков...

Одним словом, и часа не прошло с момента появления Климова в ОВД, как бригада погрузилась в желтую с синей полосой «Газель» и двинулась на улицу Чичерина, к дому номер 17, в котором на третьем этаже, в квартире 72, проживал известный тележурналист Леонид Морозов.

Во дворе дома было полно народа – и малышни, и взрослых, которые сразу окружили милицейский автомобиль. Всем было интересно, зачем приехала милиция. Неужели так и не прошел праздник без скандала? А у кого? И когда спросили про журналиста Морозова из семьдесят второй квартиры, никто его, оказалось, толком и не знал. И даже не подозревал, что в их доме, прямо вот так, в простой двухкомнатной квартире, обитал известный человек, которого каждый день показывали на экране телевизора, – ну надо же? Естественно, неизвестно было и с кем он жил. Но когда Климов разъяснил причину приезда милицейской бригады, охотников стать понятыми при обыске нашлось немало – а чем еще заниматься в такой день, когда голова только начала отходить от ночных «посиделок»? Короче говоря, двое мужчин из того же подъезда, которые предложили свои кандидатуры первыми, и были официально приглашены участвовать в следственном мероприятии.

Первой, кого они встретили, войдя в подъезд, была консьержка. Звали ее Маргаритой Николаевной Легостаевой. И, узнав, с какой целью появилась здесь оперативная группа милиции, – ей было все едино, что милиция, что прокуратура! – она пришла в неопиcуемый ужас. Схватилаcь обеими руками за свою реденькую седую голову и, глядя остановившимися глазами на представителя власти, буквально онемела. Ее спрашивают, а она молчит. Ее трогают за локоть, а она только вздрагивает, как от удара током. Странная женщина.

Впрочем, возможно, здесь сыграли роль сразу два фактора. Первый, разумеется, ночное убийство жильца, которого она как раз знала и даже гордилась своим знакомством. Всем знакомым рассказывала, как сам Морозов здоровался с ней за ручку, с праздниками поздравлял, а она за это смотрела по телевизору все его

репортажи и поражалась его «гражданской смелости». Она потом так и сказала на допросе, особо выделив эти слова. Так что для нее смерть известного ей человека оказалась, конечно, своего рода ударом.

А вторым фактором, вероятно, могла быть эффектная внешность старшего следователя Климова. Если Маргарита Николаевна относилась к культурной части населения, она вполне могла признать в нем кого-то знакомого и затем мучиться загадкой – на кого похож. Так, случается, ночами не могут заснуть любители разгадывать кроссворды, не припоминая нужное слово и по этой причине готовые перебудить своими вопросами всех близких и знакомых. Возможно, консьержка Легостаева была из этой категории людей.

Она смотрела выпучив глаза на Климова и только непонимающе качала головой. Вывел ее из этого ступора жилец, согласившийся быть понятым, Игорь Васильевич Колбасов.

– Эй, Николаевна, проснись! – Он потряс ее за плечо. – К тебе с делом. – И добавил уже Климову: – Вот такие у нас сторожа! А потом народ интересуется по телику, почему участились квартирные кражи? А?

Но консьержка пришла-таки в себя и довольно внятно сумела объяснить только один факт, о котором вспомнила:

– Вчера, часов в одиннадцать...

– Вечера? – тут же сделал «стойку» Климов.

– Утра, – поморщившись по поводу невежливого собеседника, перебившего ее, неохотно продолжала вспоминать Маргарита Николаевна, – к Морозову приходила молодая дама.

– Дама? – удивился Климов. – А как выглядела? И почему вы решили, что она обязательно дама? Ну молодая – понятно.

– А потому что это была не девица, – отрезала консьержка. – И обручального кольца у нее на правой руке не было. Как и на левой – значит, и не разведена. Но она была молода и прекрасна.

– Вы лицо ее запомнили, конечно?

– Нет! – гордо ответила консьержка. – Я не имею обыкновения запоминать лица дам, которые навещают молодых и обаятельных мужчин. У них всегда найдется повод не афишировать своего присутствия, и это полагается знать приличному человеку.

Вот так, получил Климов выговор.

– Но может быть, вы хоть что-то запомнили еще? В чем была одета? Высокая, низкая, толстая, стройная? И почему просто красивая? Красота бывает разной, между прочим, – съязвил Климов.

– Какая бывает красота, молодой человек, – сухо возразила консьержка, – мне знать лучше, я старше вас, пожалуй, вдвое. И я, например, сразу вижу: красив человек или нет. Как идет, как спинку держит, как голову поворачивает, как здоровается, просто кивая или протягивая руку...

– Вы, наверное, в театре служили? – с усталым вздохом догадался Климов.

– До пенсии, в обязательном порядке.

– М-да, с вами ясно... Но вы хоть какие-нибудь характерные черточки запомнили? Вас же в театре, поди, этому учили? Ну когда образ создавали? Или как это у вас называлось?..

– Я работала билетером, молодой человек. И ваши образы меня совершенно не интересуют. Я повторяю, дама была молода, красива, очень стройна и правильно держала спинку. Этого вам мало? Увы... большего я вам...

– И часто она тут появлялась?

– Я работаю относительно недавно, полгода и – через день. На моей памяти ее не было. Впервые увидела. Спросите Таисию Прокопьевну из шестидесятой квартиры, она собачку выгуливает, может быть, она видела... Но если хотите знать мое мнение, то я полагаю, что приход дамы к молодому человеку в одиннадцать поутру не может иметь никакого отношения к убийству... ах, боже

мой!.. которое, по вашим словами, произошло через двенадцать часов. Абсурд какой-то!

– Ну касаясь того, как держать правильно спинку, тут я с вами не спорю, а насчет убийства позвольте не согласиться. У нас не театр, а уголовное преступление... А если мы вам, к примеру, покажем эту даму, вы ее узнаете?

– Какие могут быть сомнения! Разумеется.

– Хорошо, спасибо. Будем иметь в виду... А в своей квартире Морозов проживал один?

– Вообще-то один, но у него постоянно бывали люди. Ночевали даже. Разные, много. В том числе и женщины.

– Ничего себе... – покачал головой Климов. – Ну пойдем. – Он кивнул тем, кто был с ним.

Поднялись на третий этаж. Стали звонить в квартиру, но никто не отозвался. Было высказано предположение, что если кто и есть тут, то, возможно, еще спит. Но и на стук в дверь никто не отозвался. Зато вышли из своих квартир соседи по лестничной площадке и стали смотреть. Но и они ничего не знали и с Морозовым фактически были незнакомы. Он рано уезжал и поздно приезжал. Компании вроде бывали. Вот и все сведения.

Наконец дверь открылась, но не та, которая была нужна, а этажом ниже. И раздраженный женский голос прокричал:

– Эй, чего шумите-то? Надоели уже! Вчерась полночи тыркались, опять начали? Я терпеть больше не стану, сейчас милицию вызову! Ну никакой совести у людей! Даже в праздник от них покою нет! Чтоб вы все там!..

И, словно помогая своей хозяйке расправиться с нежелательными «гостями», оттуда же раздался громкий, почти пронзительный, залиvistый собачий лай. После чего дверь захлопнулась так громко, что показалось, будто даже качнулись перила лестницы. Ну силища у тетки!

Выслушав «речь», Климов удивленно покачал головой, хмыкнул и попросил оперативника разыскать местную жилконтору, чтобы вызвать оттуда представителя, если таковой найдется, и слесаря. Он понимал, конечно, что именно сейчас, в это время дня, и найти, и разыскать, и привести – дело почти тухлое, но ведь надо же! Либо придется вскрывать собственными силами и составлять соответствующий протокол. Впрочем, протокол в любом случае придется составлять. Добавив «подождите», Климов отправился вниз. Слышно было, как в той квартире, где лаяла собака, громко прозвенел звонок.

Дверь распахнулась так, что, стой Климов поближе, ему наверняка бы расшибло нос. Он отступил еще на шаг от высунувшей голову пожилой женщины с яростно горящими глазами и сказал извиняющимся тоном:

– Вы хотели видеть милицию, гражданка? Она здесь. Я – следователь прокуратуры, вот мое удостоверение.

Тетка внимательно прочитала, что там было написано, потом сравнила фотографию с оригиналом и смягчилась.

– Это – другой разговор. Заходите, товарищ милиционер. – Ей, видать, было все едино, – что милиция, что прокуратура. – Заходите, не бойтесь, я вам все изложу в лучшем виде! Султан, фу! Свой! Не бойтесь, он не укусит...

Целых полчаса переминалась с ноги на ногу прибывшая бригада. Понятые сели на ступеньки и закурили. А Климов в это время терпеливо выслушивал рассказ гражданки Таисии Прокопьевны Твердолобовой – бывают же такие фамилии! – о ее мучениях в новогоднюю ночь.

А все началось незадолго до боя кремлевских курантов.

Ну то, что в такие праздники люди ведут себя странно, это – не секрет. И шумят, и орут, и музыку на полную мощность включают, ни о ком, кроме себя, не думая, и пляшут так, что с дорогой в свое время хрустальной люстры «Каскад» висюльки срываются и падают на пол – хорошо, не разбиваются, новых-то днем с огнем не сыщешь! Чего только не творят! А тут решили даже мебель двигать! Поди, для танцев освобождали место. Будто днем нельзя было об этом подумать! Словом, бедный Султан, и без того напуганный полуночной пальбой со всех сторон, вовсе под кровать забрался и даже от свежей магазинной

котлеты отказался, а такого отродясь не бывало с ним...

– И долго они там двигали? – попытался уточнить Климов, пытаясь одновременно отвлечь Таисию Прокопьевну от страданий ее явно беспородного пса рыжего окраса.

– Так ведь... – чуточку растерялась женщина, – пока не прекратили. Я им ручкой швабры стала в потолок стучать. И вон по трубе. – Она показала трубу отопления в углу комнаты. – Громко, а ничего не сделалось. То у них там падало что-то на пол, то опять двигали. Совсем замучилась. Даже Новый год чуть было из-за них не проворонила. Ну а как куранты пробили, вроде у них там стало успокаиваться. А после и вовсе стихло. Ближе к часу ночи. Но уж какой сон после такого шабаша-то? Вот и пила таблетки, только под утро и заснула, а тут – на тебе! Снова началось! Поневоле взорвешься... И собачкины нервы тоже надо бы пожалеть, живая ведь тварь! Ей-то за что мучения?

В общем, с этим вопросом стало ясно. Климов, чтобы сгладить как-то плохое впечатление у тетки, сказал ей о причине приезда милиции и добавил, что ее свидетельства могут оказаться при расследовании убийства очень важными. Он позже зайдет и запишет их в протокол. Тетка, естественно, обрадовалась – хоть какая-то общественная деятельность.

Значит, стихло только через час после наступления Нового года... А почему, собственно, был этот шум? Гости ожидали припозднившегося хозяина? Семья нервничала и по этой причине меняла местами столы и кровати? Чушь! Хозяин был уже два часа как мертв. Но знать об этом, как предположил тот умница участковый, по идее, могли разве что сами убийцы... Любопытный вывод напрашивается.

Осталось немного – вскрыть квартиру, но только законным путем, и проверить свои догадки.

Опер вернулся и сказал, что помещение ЖЭКа по естественным причинам закрыто. Придется начинать поиск начальства через собственную милицию, короче, надо звонить дежурному. Не любивший ненужной тягомотины, Климов предложил свой вариант. Но для этого надо было найти слесаря, что, опять же, могло оказаться делом нелегким. Выручили понятия.

– Это чего, Сашку, что ли, позвать? А можно. Только он сегодня без этого дела, – мужчина весело показал двумя широко расставленными пальцами, большим и мизинцем, известную всем русским мужикам меру жидкости, – не пойдет. Ни-ни, и говорить не о чем! В обычный день – еще куда ни шло, а нынче? Да сам Бог велел!

– Нет, ежели поставить, – как-то задумчиво заявил второй понятой, – так могу и я за инструментом сбегать. А делов тут на пару раз плюнуть. Вскрыть, потом закрыть – это мы понимаем, чтоб все по закону. Опечатать, опять же. Отчего ж? Можно, ежели на то ваша воля будет...

– Лучше, чтоб официальное лицо, конечно, но ведь и зря под дверью стоять – тоже не дело. Праздник же у людей... – тоже задумчиво заметил Климов и мысленно прикинул, сколько у него в кошельке наличных денег. Выходило так, что и на бутылку должно было хватить, и самому на обед остаться. Зря мало из дому захватил, но ведь и не рассчитывал на такой случай... Лучше б, разумеется, слесаря. Но тот не захочет идти, заупрямится. Правда, есть и милиция, прикажет, пусть попробует послушаться... Или самим? Вот дилемма, мать ее!..

Народ стоял в ожидании его решения, и всем было начхать на то, что следователю было впору мчаться домой за деньгами. Да что, в конце концов?

– Ладно, – махнул Климов рукой, как отрубил, – идите за инструментом. Протокол о вскрытии в чрезвычайных обстоятельствах напишем...

Дверь была вскрыта действительно в течение десяти минут, из которых восемь слесарь-понятой изучал дверной замок и советовался с соседом.

Первое, что поразило вошедшего в квартиру Климова, так это полнейший разгром ее. То есть надо было сильно постараться, чтобы привести в такой беспорядок две комнаты. Книжные полки валялись на полу, книги, выпавшие из них, были раскрыты так, словно в них что-то искали. Ящики у письменного стола тоже выброшены на пол вместе со всем их содержимым. В бельевом шкафу царил разгром – белье и одежда вывалены на пол, карманы в одежде вывернуты наружу – и там искали. Но что? Телефонная трубка валялась на полу. Только на кухне был еще относительный порядок – шкафчики открыты настежь, но посуда и продукты оставались на своих местах.

«Да, – сказал себе Климов, представивший, как он станет составлять описание жилища потерпевшего, – тут не позавидуешь... Однако надо действовать, чего время тянуть?..»

– Прошу понятых присесть и не мешать работать, а группе предлагаю приступить к обыску.

И добавил уже мысленно самому себе: «А что мы, собственно, хотим найти? Ладно, будем пока действовать методом тыка, а я позвоню-ка на его работу. Пусть приедет кто-нибудь из тех, кто его близко знал. Может, хоть какой-то след отыщется?»

Вздыхнув, Климов поднял с пола телефонную трубку, проверил – она работала, и он стал набирать один за другим номера студии в Останкино, где работал Морозов. Это был нелегкий труд. Но ему удалось узнать, что одним из ближайших друзей Леонида был оператор телевидения, работавший с ним практически постоянно, – Пашкин Виктор Егорович. Но его сегодня на студии нет, а давать домашние телефонные номера сотрудников у них не принято. Стало быть, надо было снова звонить директору РТВ Сапову, чтобы тот распорядился, и неизвестно, захочет ли еще этот Пашкин ехать и принимать участие в обыске квартиры своего товарища.

Но, видно, сегодня Господь Бог был на стороне следователя. Сапов понял нужду с полуслова. Сказал, что сегодня он сам подъехать никак не может, а вот если перенести на завтра, тогда... Нет, надо сегодня и обязательно сейчас. Сапов не стал звонить на студию, а нашел у себя телефон Пашкина и попросил только передать оператору его личную просьбу – помочь следствию. Для Виктора, человека четкого и обязательного, будет его слова вполне достаточно.

Это ж надо! Вот что такое корпоративная солидарность!

Пашкин был потрясен новостью и долго молчал. А потом сказал, что, разумеется, немедленно подъедет. И никаких просьб со стороны Генки – он имел в виду Сапова – не надо... Он и прибыл примерно полтора часа спустя. Ехал из Тропарева, через всю Москву. А водилы будто забыли, что сегодня Новый год, полдороги в пробках простоял, и чего им всем надо?..

Пашкина, между прочим, просто огорошил вид квартиры Леонида. Морозов, по его словам, был педантичным аккуратистом. Все вещи, каждая книжка, да что там книги, каждая бумажка в ящике письменного стола лежала исключительно на своем месте. Леня мог на ощупь, с закрытыми глазами, достать, например, из ящика нужный конверт с документами, безошибочно выбрав его из двух десятков аналогичных. И вдруг такой разгром! Да его бы, бедного, инфаркт свалил бы! Какое счастье, что Леня этого не видит!

Вот так ляпнул Пашкин и жутко смутился – именно ляп...

Стали выяснять, что он мог, или должен был, хранить у себя дома? Может быть, очень важные документы, сверхсекретное что-то? Зря же не стали бы всю квартиру с ног на голову переворачивать! Значит, искали что-то... А что конкретно? Вот тут Пашкин должен был подумать, а ему в данной ситуации просто никакие мысли в голову не лезли. И его тоже понять можно было.

Кроме того, имелось и еще одно важное обстоятельство, которое мешало Виктору Егоровичу установить наличие пропаж в квартире. Он был в последний раз у Лени где-то с полгода назад, а за это время здесь многое могло измениться. Нет, что-то он, разумеется, знает и подскажет, но надо бы пригласить того, кто был у Леонида недавно, причем не просто в гости заскочил, а приходил по делу.

А сам он что мог сказать? Ну, во-первых, нету компьютера. У Морозова был «Пентиум-4» со всеми необходимыми прибабасами, монитор с плоским экраном, а здесь никакой техники вообще не видно. Значит, воры унесли. На книжной полке, что валяется на полу, он хранил диски и дискеты, некоторые рабочие файлы и, что самое главное, свои записные книжки, которые цены не имели! Это же были, по сути, его рабочие дневники, записи его бесед с героями будущих телевизионных репортажей, письма с разоблачениями, просьбами, заявлениями людей, обращавшихся за помощью к известному тележурналисту. То есть вся его творческая жизнь. И ничего этого среди разбросанных книг не было.

Какой вывод напрашивался в первую очередь? А такой, что причиной для убийства Морозова вполне могла явиться его профессиональная деятельность. Искали же здесь что-то? И, видимо, второпях не нашли. После чего решили забрать все, что могло бы нести хоть какую-то информацию, чтобы разобраться неспешно и внимательно, а главное, не привлекая к себе внимания посторонних.

Ведь стучали же какие-то сумасшедшие и снизу, в пол, и по трубам. Могли и в самом деле милицию вызвать. Хотя в новогодний праздник народ к шуму относится снисходительно. Но – всякое бывает. Короче говоря, собрали все записные книжки, забрали с собой компьютер и смылись. Правда, «Пентиум», монитор, клавиатура и прочее, вместе взятое, – вещь громоздкая. Значит, возможно, здесь действовали несколько человек. И выносили быстро, иначе их могли бы заметить случайные жильцы, прохожие. Ну кто под Новый год с крупными узлами ходит? Только жулики, очищающие квартиры. А чтоб сделать свой уход незаметным, воры могли воспользоваться машиной, которую наверняка подогнали совсем близко к подъезду. Через двор на улицу тоже ведь не потащишь!

Получается, что кто-то из местных мог заметить чужую машину, стоящую, опять же, на чужом месте. В подобных дворах обычно места для личного автотранспорта бывают раз и навсегда определены как бы негласно – где в первый раз поставил, то место не занимать!

Опросить всех соседей? Не видел ли кто накануне боя кремлевских курантов какого-нибудь наглеца у подъезда? А что, вполне...

Одна беда только: опрашивать сейчас жителей каждой квартиры – это в буквальном смысле потерять массу драгоценного времени. Во-первых, народ находится в состоянии глубокого похмелья либо уже опохмелился и ничего толкового не скажет. А во-вторых, если отложить обход квартир на завтра, то можно опоздать: сейчас еще факт может быть свежим, а завтра о нем каждый забудет: два дня сугубого застолья – это серьезное испытание и для мозгов. А впереди – еще неделя гулянки! Ужас!.. Так что делать?

И Климов решил заканчивать с протоколом здесь, в квартире, а оперативника отправить пока по этажам. Судебному медику делать было нечего, и его отпустили, но вот эксперта-криминалиста Сергей Никитович Климов попросил снять максимум возможных отпечатков пальцев с полированных полок, ящиков стола, дверных ручек – они могут впоследствии пригодиться. А преступники наверняка работали без перчаток, когда листали бумаги в поисках нужных им. В общем, какая-никакая, а улика.

У самого же Пашкина была только одна версия случившегося – именно профессиональная деятельность Лени, чем он и подтвердил предположение Климова. Никакой завистью коллег и никакой ревностью чьего-то обманутого

супруга здесь даже и не пахло, не такой человек был Леня, чтобы размениваться на подобные мелочи. Он был прежде всего профессионалом, а значит, тут и надо копать. Да хоть бы и в последнем его репортаже, который он готовил. О чем репортаж?

– Спросите у главного – его идея, ему и карты в руки.

– Но ваш директор заявил, что оператором у Морозова были обычно вы. Неужели вам неизвестно, о чем шла речь в последнем репортаже?

Климов заметил, что у Пашкина как-то сразу закрылся рот, отвечать у него пропала охота. Попробовал отделаться общими словами:

– Да в принципе известно, коли должен был снимать... Ну об элитных ресторанах. О владельцах и контингенте этих заведений. Но съемок еще не было. А сценарного плана я в руках не держал.

Потом, помолчав, он добавил, что в этой теме мало кто хотел светиться. Но Леонид всю предварительную подготовку проводил обычно сам, поэтому, если кто-то из тех, кому этот репортаж мог встать поперек горла, узнал, тогда конечно... А лично у Пашкина нет охоты повторить судьбу Леонида. Поэтому извините. Все вопросы – к главному.

Ну нет так нет, завтра пойдем к главному. И Климов отпустил Пашкина, поскольку тот ничего важного больше сказать не мог. Или не желал. Но к последнему всегда можно было вернуться.

Весь этот день у Климова фактически ушел на неблагодарное и ничего существенно не давшее расследованию дело. Опер, кого ни опрашивал, решительно ничего не выяснил. Народ загодя уселся за столы, включил телевизоры и послал все проблемы подальше. А останавливался ли кто-нибудь чужой у их подъезда, никого не колыхало – праздник же! К людям же гости заруливают! Такой день! Точнее, ночь... Иначе было бы просто глупо, какие же могут быть подозрения?.. Словом, пустой номер. Да Сергей Никитович и сам это понимал, а попросил человека поспрашивать соседей исключительно для порядка. Надо, значит, надо.

А здесь вообще можно было заканчивать. До тех пор, пока не найдется свидетель, побывавший у Морозова относительно недавно и помнящий, где что стояло и лежало. Иначе все розыски становились попросту бессмысленными. Надо было ехать на телестудию. И Климов отпустил бригаду, поблагодарив за помощь. А сам решил еще раз встретиться с консьержкой.

Маргарита Николаевна все еще не отошла от утреннего «удара» и всем приходящим в дом, не говоря уже об уходящих, рассказывала о том, что прямо в Новый год, рядом, можно сказать, с домом убили известнейшего журналиста, с которым она, Маргарита Николаевна, была лично знакома. Обаятельнейший молодой человек, всегда первым здоровался!

Появление Климова смутило консьержку. И не зря. Старший следователь строго спросил ее, не отлучалась ли она с дежурства как раз незадолго до Нового года?

Легостаева ответила, что, разумеется, нет. Это не положено, а дисциплина для нее – святое дело. Еще в театре... Но Климов бессердечно перебил ее воспоминания прямо на взлете:

– Если это так, как вы утверждаете, то каким же образом в квартире Морозова могли примерно за час до наступления Нового года, а только к часу ночи успокоившись, производить громкий шум, от которого страдали все соседи? И все это при том, что сам Морозов в это время уже лежал мертвый возле своей машины? Кто мог пройти незаметно? Кто вышвыривал на пол полки с книгами и переворачивал стулья? В течение, прошу заметить, двух часов! А затем «незаметно» выйти из дома с целым мешком похищенных вещей, я вас спрашиваю? И вы утверждаете после этого, что сидели на месте, никуда не отлучаясь? Позвольте вам не поверить!

Начальник был в гневе, поняла консьержка, и если то, о чем он говорит, все правда, ее, Легостаеву, завтра же попрут с этого места. Единственная надежда на то, что охотников не наберется сидеть тут. Но премии к Новому году уже не видать, это ясно. Ну а когда начальство разъярено, один путь – подставлять повинную голову. Ее, как известно, топор не сечет...

– Увы, я должна сознаться, что нарушила установленный режим. Но ведь кто бы мог подумать, сами представьте! Всего и отлучилась-то на два часика. Перед самым Новым годом, чтоб все-таки в семье... Вы уж помилуйте, что поделаешь,

виновата...

– Ладно, это ваши дела, с начальством своим сами разбирайтесь, я про вас докладывать не собираюсь. Тем более – Новый год, сам понимаю... До свиданья.

Он хотел было сразу отправиться на телестудию, в Останкино, благо все тут находилось фактически рядом, но, поразмыслив, а главное, посмотрев на время, понял, что там если кто и есть, то сторожа да дежурные, поскольку у всех тех, для кого праздники – самые напряженные будни, даже и у них рабочий день заканчивался. Значит, с утра – по новой...

Глава вторая

КОЛЛЕГИ И ВЕРСИИ

1

Вопреки собственным представлениям о том, что шум по поводу гибели телевизионного журналиста Морозова, о котором Климов, по совести говоря, практически ничего не слышал – телевизор некогда смотреть! – был вызван, скорее всего, корпоративным сговором этих вездесущих и обязательно наглых телевизионщиков, он оказался искренне озадаченным, когда явился на РТВ. Едва он назвался и предъявил служебное удостоверение охраннику на контроле, сообщив, к кому намерен проследовать по служебной надобности, как его буквально забросали вопросами все, кто случайно находились рядом. Естественно, основными были – кто убил и за что? Хотел бы и сам Сергей Никитович ответить на эти «простенькие», с точки зрения спрашивающих, вопросы! Действительно, чего легче? И непонятно, почему это прокуратура телится, когда все, до последней уборщицы, на студии знают, по какой причине погиб Ленка Морозов и кто заказал его. А не знает этого лишь тот, кто никогда не имел никакого отношения к телевидению, не «варился» в нем и вообще – «чайник». Но общее настроение на студии, как определил его для себя Климов, было потрясение. Потрясение и ошеломление.

Только позже осознал следователь, уже переговорив и с генеральным директором, и с главным редактором канала, с шеф-редактором программы и с многими коллегами Морозова, что «сообразительность» местной публики основана на доскональном знании интриг тех многочисленных телевизионных сериалов о сыщиках и бандитах, которые давно уже заполнили основную массу трансляционного времени телевидения. Ну конечно, насмотришься, да еще, не дай бог, начитаешься этих бесконечных детективов, и тебе уже представляется, что ты и сам стал лучшим на свете сыщиком и можешь давать советы профессионалам сыска, которые, оказывается, ни черта не смыслят в таком простом деле. Стыдно, господа, за что вы хлеб государственный едите, если не можете элементарно разобраться в лежащих на поверхности версиях? Да ведь достаточно просто ознакомиться с перспективными планами канала, а еще проще – посмотреть хотя бы десяток последних «Честных репортажей» Морозова, чтоб увидеть, где зарыта собака. Тут и особого ума не надо! К такому вот неутешительному выводу для себя пришел Сергей Никитович, наблюдая неприязненные и даже сердитые взгляды, адресованные ему. Будто он мог, но не хотел искать преступников. В общем-то понятная логика...

Почему именно в профессиональной деятельности журналиста видели его коллеги причину мести, тоже просчитать было несложно. Если журналистское расследование всякий раз вскрывает такие факты, что ими поневоле начинают интересоваться правоохранительные органы, вплоть до Генеральной прокуратуры, о чем же еще говорить?! Дураку ясно...

Хотел бы увидеть Климов того дурака, кто смог бы ему показать конкретно, а не вообще, хотя бы один из таких фактов. Что-то не помнил он, чтобы та же Мосгорпрокуратура с ходу возбудила уголовное дело по подобным журналистским материалам. Нет, оно, может, и бывало, но, как правило, «жареные» факты те же «борзописцы» получали из «своих информированных источников», которые и находились чаще всего именно в прокуратуре либо в милиции. И, как правило, когда дело уже было расследовано, а преступники понесли наказание.

Но если у них полно рабочих версий, то почему же не воспользоваться бескорыстной помощью общественности? И Климов изъявил согласие немедленно выслушать всех, у кого имеются «реальные соображения». Он полагал, что из кучи информации всегда можно что-нибудь добыть – не в безвоздушном же пространстве жил человек, а вращался в своей привычной среде. Значит, мог делиться мыслями, соображениями, даже страхами от чьих-

то угроз с коллегами. Они ж все упирают на то, что журналисты, подобные покойному Морозову, всегда ходят по лезвию бритвы, постоянно живут под угрозой расправы. То есть они уже по определению личности глубоко трагические. Как хочешь, так и понимай!..

Но все же из массы мусора подтверждение одной, вполне возможной, версии следователь получил. Их долгий разговор с Пашкиным, во всяком случае, стоил того, чтобы обратить внимание на ту тему, которой в последнее время как раз и занимался Леонид Борисович. Лишь один человек, правильнее сказать, женщина назвала его так уважительно, остальные – Леня, Леонид, даже Ленька, словно был он тут не серьезный журналист, работавший под постоянной угрозой опасности для жизни, а свойский парень, с которым запросто можно было поболтать, пивка попить, по бабам прошвырнуться. Эта женщина и была главным редактором канала Мариной Эдуардовной Малининой – сухощавой с виду, неяркой какой-то и неприветливой дамой лет где-то за тридцать, высокого роста, с острым, въедливым и недружелюбным взглядом и собранными в пучок волосами, как у типичного школьного завуча.

Во-первых, она сказала, что знала Морозова лично и довольно близко, пожалуй, более десятка лет, а во-вторых, назвала последнюю тему Леонида Борисовича поистине убойной. Ибо затрагивала эта передача такие слои общества, такие личности, что кое-кому мало не показалось бы после того, как программа вышла бы в эфир. Уверенность Малининой была столь велика, что Климов, естественно, сделал «стойку», подобно охотничьей собаке, почуявшей дичь.

– Вы могли бы меня подробнее ознакомить с этой вашей версией? Вы имеете в виду рестораны и их хозяев плюс окружение? – вежливо проявил свою осведомленность следователь, не ссылаясь, однако, на Пашкина – по просьбе самого оператора. Видимо, у того были причины.

Ах, какое недовольство немедленно выразило лицо главного редактора, голова которой пухла от забот в связи со срывом очередного «гвоздя», выражаясь газетным языком, по причине известного трагического события.

– Да, конечно, оно можно бы, но... это время, время! Некогда дышать! А кстати, откуда вам известна тема его репортажа?

Однако Климову уже надоела их «таинственность».

– Так у вас тут кого ни спросишь, все только о ресторанной теме Морозова и рассуждают. А что, разве это тайна? Тогда я просто обязан вас предупредить, что от нас у вас никаких тайн быть не может. Мы убийство расследуем, тяжкое уголовное преступление! Это вам понятно? А чего это вы вдруг как будто испугались? У вас есть причины чего-то бояться? Угроз? С чьей стороны? – Он буквально забросал ее вопросами.

– У нас существует такое понятие, как конкуренция. Здоровая, я имею в виду. Хотя случается всякое, но это просто так, для общего сведения.

– Да? А она не могла стать причиной?

Малининой такая мысль, видно, в голову не приходила, она задумалась.

– На какой стадии теперь этот репортаж? – настойчиво спросил Климов. – Мне, вероятно, придется ознакомиться с вашими планами, если нет ничего более конкретного. Возможно, появится какой-нибудь след.

– Но... я думаю... – тянула Малинина.

– Да тут и думать нечего. Мы можем сесть с вами вдвоем, и я готов под вашим непосредственным руководством просмотреть, почитать и выслушать ваши профессиональные, по ходу дела, комментарии. А о времени мы уж как-нибудь договоримся. Между прочим, если вам тут разговаривать неловко, я могу вас вызвать в прокуратуру повесткой, может быть, там вам будет удобнее?

Такая перспектива не светила Малининой, и она изъявила готовность «соответствовать» прямо хоть сейчас.

Ну что ж, Климов немедленно и воспользовался «любезностью» главного редактора.

– Я сейчас распоряжусь, и вам дадут возможность посмотреть пять-шесть последних материалов, которые сделал Леонид Борисович. Это те, что уже прошли в эфире. Но если вы их не видели, то как же можете судить о том, откуда истекает опасность для смелого журналиста?

Да, действительно, как он мог судить?..

– Вы должны понять, – продолжала поучать Климова остроглазая дама, – что работа профессионального журналиста, проводящего расследования, какими занимался Леонид Борисович, мало чем отличается, скажем, от вашей работы следователя. Или от профессии охотника, преследующего хищного зверя, смертельно опасного, когда тот подранен. Каков же вывод сделаете? Конечно, его убийство связано только с профессиональной деятельностью, тут и двух мнений быть не может. А теперь идите и смотрите. Вам покажут и помогут разобраться, а со всеми вопросами прошу ко мне...

И Сергей Никитович отправился в студию, где уже лежали большие черные кассеты с «Честными репортажами». Около десятка штук. Каждая на полтора часа просмотра. Мама родная, да это ж на несколько дней работы! – чуть не перекрестился он.

Климов прикинул время, взялся было за голову, но делать было нечего. Или следовало плюнуть на все и продолжить встречи и беседы с коллегами и родственниками покойного. Но ему почему-то показались убедительными те уверенность и напористость, с которыми беседовала с ним Малинина. Что говорило в ее пользу?

Во-первых, «физиономист» Климов полагал, что у женщин с неброской внешностью – а Малинина вовсе не показалась ему красавицей – профессиональное видение всегда на первом месте. Им не на что надеяться, кроме как на свою службу – в ней и все их интересы. А потом, тоже был уверен он, такие бабы зрят обычно в самый корень. И, судя по тому, что она одна среди всех тут, на студии, называет Морозова по имени-отчеству, она его внутренне глубоко уважает. И значит, знает, ей можно верить. Ну а раз так, надо идти и смотреть...

После нескольких часов просмотра Сергей Никитович вдруг сообразил, что ему вовсе не требуется смотреть все подряд, от и до, достаточно понять, в чем соль, а затем сразу перекрутить пленку к выводам, которыми завершается обычно любое журналистское расследование. И после этого работа пошла веселее. Третью кассет он сумел просмотреть и отметить для себя наиболее важные моменты уже до конца дня...

Остальные смотрел и анализировал в следующие два дня, и, когда он теперь появлялся на студии, народ стал его узнавать и даже острить: не на работу ли к ним устроился запорожский казак? Климов только усмехался.

А из всех просмотренных им материалов следователь поставил себе на заметку три из тех, что уже прошли эфир, и, естественно, тот последний, работа над которым у журналиста была в самом разгаре.

Под цифрой один шел «Честный репортаж», снятый в ряде губерний. Речь в них шла о местном руководстве, которое, наплевав на все и всяческие законы, использует заповедные зоны в своих губерниях для личной охоты. Факты журналист приводил просто потрясающие, вопиющие о безобразиях, творившихся в этих губерниях. Куда там «царские охоты»! Самодурство, доведенное до абсурда.

Могли быть враги? А как же! Губерний перечислено пять, и в каждой мог найтись мститель.

Под номером два шел репортаж о шоу-бизнесе. О той коррупции, которая пронизала его насквозь, об эксплуатации юных, неоперившихся еще талантов, об уголовных преступлениях, время от времени сотрясающих эту новую коммерцию. Там и убийства, и миллионные взятки, и воровство – то есть сплошное черт знает что...

Кто мог стать убийцей? Да любой, чья фамилия возникала по ходу передачи. Молодец все-таки был этот парень, Климов просто восхищался им, его знанием проблем и, главное, смелостью.

Третьим в списке шел репортаж о так называемом «сексуальном рабстве». Ну тут вообще уже говорить было не о чем – убийцу мог нанять любой педофил – хозяин малолетних «рабов».

Наконец, четвертым номером, как теперь уже отчетливо себе представил Сергей Никитович, вполне мог стать «ресторанный бизнес».

Огромная площадь нераскрытых возможностей расстилалась перед следователем, и он не знал, с чего начать. Ведь если говорить всерьез, то «клиентуры» тут могло оказаться на всю жизнь, аж до самого ее конца.

Правда, теперь, вооруженный знаниями, Климов мог обратиться за помощью к главному редактору. И, странное дело, теперь уже Малинина каким-то монстром ему не казалась. Ведь знать все это, уметь распорядиться материалами, осмелиться показать зрителям – для этого тоже нужна гражданская смелость, мужество. Потому, наверное, и глаза у нее как дульные отверстия двух наведенных на тебя пистолетов. И поведение, больше похожее на мужское, – а как же разговаривать иначе со всей этой публикой, которая чуть что – немедленно начинает бомбить честных ребят доносами и угрозами??

Получалось, что неправ оказался Климов со своей «физиономистикой». Впору извиняться. Но этого пока, к счастью, не требовалось.

Малинина сама позвонила в просмотрную студию – видно, ей доложили, что работа следователя приближается к концу, – и предложила Сергею Никитовичу потом заглянуть к ней, чтобы обменяться. Это ее выражение вызвало у него доброжелательную улыбку: ну да, самый конец восьмидесятых, любимое выражение последнего генерального секретаря, сколько анекдотов ходило на эту тему!.. Но если она это помнит, то, выходит, они с Мариной Эдуардовной – ровесники? Ей где-то за тридцать. А лицо у нее свежее, хотя у женщин на четвертом десятке обычно начинают проглядывать первые признаки возраста. Но тогда почему же они с нею не могут найти общего языка?..

Малинина, как скоро понял Климов, и позвала его, чтобы прийти наконец к консенсусу. Еще одно летучее выражение из того же времени.

– Посмотрели? – впервые за время их знакомства спросила она доброжелательным тоном. – Присаживайтесь, я готова ответить на любые ваши вопросы.

В другой бы раз Сергей Никитович не преминул хмыкнуть: ишь испугались, однако! А сейчас он понял, о чем думает эта женщина – усталая, в очках, которые, когда он вошел, быстро сняла и спрятала. Стесняется, надела, наверное, недавно, не привыкла еще, и они ей мешают. Да, но в ее возрасте стесняться очков – как-то странно, или это у нее пунктик?

И Климов решил быть великодушным. С легкой усмешкой пожаловался на то, что теперь и у него самого от впечатлений голова пухнет – это он, якобы невольно, повторил ее выражение. А все оттого, что очки на службе забыл. Так-то он

хорошо видит, а для чтения и когда близко смотреть, приходится пользоваться. Но это все пустяки, а главное, что он понял, так это то, что все они тут совершают поистине гражданский подвиг. Просто невероятно.

И пока он говорил, Малинина как-то незаметно достала свои старомодные какие-то очки и водрузила их на нос. Климов тут же доброжелательно улыбнулся:

– А у вас сколько?

Она ответила.

– Дальнозоркость. – Он сочувственно покачал головой. – Это от работы, да?

Она кивнула. В больших, с крупной оправой очках ее глаза не показались острыми – нормальные женские глаза, даже с поволокой. А она, видимо по-своему расценив его взгляд, поспешила стеснительно объяснить, что утром, собираясь на работу, нечаянно уронила очки, одно стекло разбилось, вот и пришлось искать старые, хорошо, не выбросила, и теперь придется после работы бежать в аптеку, чтобы заказать новые.

Он сочувственно покачивал головой, слушая, но, наверное, слишком уж пристально засмотрелся, спрашивая себя, почему эта женщина при первой встрече ему решительно не понравилась, а сейчас он даже испытывает к ней непонятную самому себе теплоту и желание сказать ей что-нибудь приятное, ласковое. Или она не поняла смысла его взгляда, или, наоборот, слишком хорошо поняла, но вдруг, оборвав себя на полуслове, Малинина недовольно повела плечами и перешла на сухой, деловой тон:

– Ну так что у вас, какие вопросы?

– Я теперь и сам не знаю, – честно признался он. – Ведь что получается? Вот я тут для себя кое-что отметил... Короче говоря, уже порядка пяти десятков человек – это я беру минимум – вполне могли сделать заказ на убийство вашего Леонида Борисовича. А я выбрал из прошлого только три передачи, где присутствует откровенный криминал, ну еще и невыпущенную программу тоже оставил. Полагаю, что те, кто уже были знакомы с репортажами Морозова, могли заранее предположить, на что он способен и кого возьмет за шкуру в обязательном порядке, я правильно понимаю, Марина Эдуардовна?

– Я очень рада, что вы, Сергей Никитович, пришли к такому выводу, он абсолютно верен.

– Спасибо, конечно, за комплимент, но это – моя рутинная работа... Нам же тоже, как и вам, приходится постоянно в психологиях всяких, извините за выражение, копаться. Искать причинно-следственные связи, причем без сослагательных, как говорится, наклонений. Что было бы, если бы, понимаете?.. Точно надо знать – и что, и почему, и, главное, кто? Вот я и хотел бы задать вам один серьезный вопрос, но время... Наверное, у вас уже кончилось, как у всех нормальных людей. Это мы нередко по ночам работаем.

– Мы тоже, бывает, – улыбнулась она, и ее улыбка ему понравилась. – А что за вопрос? И потом, вам обязательно надо записывать мои ответы?

– Нет, это же не допрос, что вы! Меня, кстати, интересует гораздо больше ваше личное мнение. Чисто по-человечески. Ну, например, почему только вы одна называете Морозова Леонидом Борисовичем? А все остальные – Леня, Леонид, даже Ленька слышал?

– Я в нем уважала мастера, если это что-то вам говорит...

– Отчего же, конечно! А остальные, получается, не уважали?

– Раз уж вы о психологии заговорили, то у них другое.

У них конкретная сопричастность. Я с гением, как говорится, на «ты» – это определенная марка. Вы, наверное, еще с Эльдаром не разговаривали, тот и с уборщицами молоденькими – всегда на «вы». Себя в первую очередь уважает.

– Погодите... Ой, простите! – Климов засмеялся. —

У меня мозги уже совсем... Эльдар – это же... шеф-редактор программы «Честный репортаж»?

– Ну конечно! Вам надо обязательно с ним встретиться. Вообще, я вам скажу, у нас тут только двое по-настоящему знали Морозова – это Пашкин, оператор, и Эльдар. Для остальных он был, как вы говорите, Леня и Ленька. От этих вы

ничего путного не добьетесь, разве что сплетен, как в каждой уважающей себя конторе.

– Ценю ваш юмор. Наверное, не от очень хорошей жизни?

Малинина вздохнула и не ответила.

– Я еще раз прошу прощения за то, что задерживаю вас, но мне хотелось бы разобраться в характере этого человека. Скажите, вы очень торопитесь домой или по каким-то еще делам?

Она посмотрела на него, потом сняла очки, стала искать, куда их положить, и наконец ответила:

– Мне некуда торопиться. В том смысле, что не к кому, если я правильно поняла ваш вопрос.

– Да вы же просто умница! – воскликнул Климов. – Марина... Эдуардовна.

– Можно просто Марина.

– С удовольствием. Тогда уж, пожалуйста, и вы – Сергеем. Лучше – Сережа.

Она улыбнулась, и улыбка ей очень шла, она будто осветляла строгое лицо, а на щеках появлялись симпатичные ямочки, которые, наверное, так приятно целовать. Подумал так и вдруг почувствовал, что краснеет, ой, стыдища-то! Но она, кажется, не заметила.

– Могу я предложить вам выпить со мной по чашечке кофе? Хотя бы? Я вчера, уходя домой, приглядел недалеко от метро симпатичную кафешечку, не составите компанию? А потом я мог бы вас с удовольствием доставить прямо к подъезду вашего дома, я на машине.

– Вы, вероятно, хотите еще что-то узнать у меня? Вы же говорили о каком-то серьезном вопросе.

Он совсем смутился. Неохотно сказал:

– У меня, честно говоря, как-то все нужное из головы вылетело.

– Да-а? – удивленно произнесла она и уставилась на него. – И с чего ж бы это вдруг?

– Марина, пойдете по кофейку выпьем, а то со мной что-то непонятное происходит.

– Ну пойдете, Сережа...

Он помог ей надеть меховую шубку, которую она сняла из шкафа, с вешалки, надевая, не удержался и погладил ладонями плечи и рукава. Сам он надел свою утепленную куртку внизу, на общей вешалке. Они дошли до его «Лады», уселись и поехали. И все – молча, даже не глядя друг на друга. Но он все время чувствовал ее присутствие рядом. Слышал ее дыхание. Краем глаза наблюдал, как она повозилась, укладывая на коленях свою сумочку и целлофановый пакет с чем-то. Успокоилась, поглядывая в окно. Потом повернула лицо к нему, поймала его взгляд, улыбнулась и снова стала смотреть на дорогу.

Кафе, о котором он говорил, находилось в устье проспекта Мира. И когда он развернулся и ловко затормозил у тротуара, Марина сказала:

– А я знаю это кафе, оно мне тоже нравится. Забегала... Оно ведь как раз на пути домой. Я в том конце проспекта живу, в Графском переулке.

– Знаю такой. Сталинские еще дома...

Заведение пока пустовало, похоже, местное население предпочитало еще домашние новогодние разносолы, от которых надо было как-то избавляться. Посмеиваясь, они обсудили эту ситуацию, о том же сказали и официанту. Тот, смеясь, подтвердил догадку. Заказали кофе со сливками и всякими вкусностями, а Сергей уговорил Марину и на рюмочку коньяку, чтоб от стресса избавиться, расслабиться. Сам, к сожалению, за рулем, а то не преминул бы...

– Вы знаете, Сережа, с вами, я заметила, очень приятно молчать. Это редкое качество в людях. Но я же понимаю, что мы здесь не для молчания, спрашивайте, буду рассказывать, что знаю... помню...

– Марина, только честно, вам это здорово неприятно сейчас?

– Что, говорить с вами? Нет, ну почему, это же ваша главная работа.

– А давайте пошлем все сегодня к чертовой матери и помолчим, раз вам это приятно? Я тоже с удовольствием с вами помолчу.

– А как же?.. – У нее на щеках снова появились заманчивые ямочки.

– А что, разве жизнь на этом кончается? Завтра спрошу. Все равно придется со многими разговаривать, тут уже никуда не денешься... пока полной картины не будет. Я его понять должен. Все про него знать. Как он вел себя с коллегами, с теми, кого интервьюировал, с недоброжелателями, с начальством, с женщинами, наконец... Могу вам одной и под жесточайшим секретом сказать... – Он серьезно посмотрел ей в глаза. – Есть предположение, что стреляла в него именно женщина.

– Неужели? – Ему показалось, что у Марины кровь отлила от лица.

– Вас это так взволновало?

– Не могу сопоставить... О господи!

– Я чувствую, вам что-то известно? – прямо клещом впился Климов в женщину, но, тут же опомнившись, обмяк: – Не торопитесь. Не спешите с выводами. В подобных вещах всегда есть масса обманок. Желаемое за действительное и так далее, в том же духе. Успокойтесь и забудьте на время то, что я сказал. Вон и кофе несут. – И когда официант поставил заказ на стол и отошел, Климов налил коньяк в ее рюмку и сказал: – С наступившим Новым годом, Марина... С удовольствием пью кофе за ваше здоровье. За вас... А теперь и вправду давайте помолчим, а я буду смотреть на вас.

– Зачем? – удивилась она, беря рюмку.

– Мне это занятие, оказывается, очень нравится... А потом, если у вас не будет возражений, мы заедем в аптеку и закажем вам нужные очки, чтобы вы чувствовали себя в них комфортно. Хотя, по правде говоря, мне эти ваши

старомодные очки больше нравятся, чем все эти нынешние. В них вы напоминаете мне строгую школьную учительницу, которую тем не менее все ученики любили и писали ей любовные записочки. И ужасно переживали, когда узнали, что она вышла замуж за физрука. Некоторые ребята даже ее возненавидели за это.

– Да-а? Очень интересное наблюдение. И откуда же оно у вас?

– Как в одном кино сказано, живу давно.

– И что, действительно любили? За что же?

– За справедливость.

– Ишь как... Тогда я хочу выпить за ваше здоровье, Сережа...

2

Климов уехал домой в начале четвертого часа утра, так настояла Марина. Вездесущая консьержка, разумеется, засекла их прибытие в десятом часу вечера. Но так как она прекрасно знала, где работает Малинина с десятого этажа, не раз видела, как к ней приезжали деловитые коллеги с телевидения, многих из которых она не раз видела на экране, то понимала, что такая у этой одинокой женщины работа. Мужика в доме нет, значит, и остается одна служба, и куда от нее, проклятой, денешься? Но те уходили хоть и поздно, но не под утро и не по-воровски. Вся надежда оставалась на то, что стервозная бабка спит, а то сплетен определенно не избежать. И уж кому, как не старшему следователю, знать, как надо скрыться незаметно...

Учить Сергея действительно не стоило. И он ушел так стремительно, что консьержка даже не чухнулась, только услышала, как дверь хлопнула.

А ехал он домой лишь для того, чтобы наконец поспать хотя бы два часа, встать под душ, побриться, переодеться и – снова на телестудию. Правда, была еще толковая мысль – заскочить за Маришей, но это решится позже... когда она проснется. Если вообще сможет уснуть сегодня. Потому что их совместное, неожиданное решение, которое, собственно, они, фактически не сговариваясь,

приняли еще в кафе, вдруг все перевернуло и поставило с ног на голову.

Вчера она где-то «зациклилась» на его сообщении о неизвестной женщине. И долго молчать не смогла. Созналась, что Леонид почему-то однажды выбрал именно ее в качестве своего исповедника, что ли. Начал делиться с ней своими мыслями о женщинах, которых у него хватало, даже иной раз совета спрашивал, как поступить с той или другой. А может, он просто не считал ее за женщину? Была она откровенным товарищем, приятелем, на чьи плечи нетрудно перевесить груз своих проблем. Вот он и не стеснялся. А Марина частенько говорила ему, что бабы, многих из которых она прекрасно знала – в одном котле-то варились! – до добра его не доведут. В шутку говорила...

Но ее откровенность очень понравилась Сергею, о чем он и сказал. И попытался уточнить, не сильно ли задерживает он ее сегодня, не наглость ли это с его стороны? На что она очень спокойно повторила сказанное еще в вестибюле студии, глядя ему в глаза сквозь «немодные» очки:

– Мне не к кому торопиться, Сережа.

– Какое счастье! – невольно сорвалось у него.

Она удивилась:

– Почему?

– А то у меня не было бы никаких шансов... Правда, они и сейчас весьма слабые, но... я все равно не отступлюсь!

– И правильно, – улыбнулась она, а он едва не схватил ее за щеки. Но попытку движения она уловила и послала ему кончиками пальцев воздушный поцелуй...

Потом они захлеб целовались в его машине и никак не могли отъехать от кафе. Позже целовались возле ее дома, где он решил оставить машину на ночь. Держа ее в руках, обнимая, прижимая к себе, выдавливая из нее тягучие, медленные стоны, он моментами как-то посторонне думал, что у нее прекрасное, горячее тело, и зря она рядится в бесцветные одежды, скрадывающие ее дивные достоинства. Что ей надо одеться ярко, пусть даже с вызовом, от этого она

только выиграет... А она, задыхаясь, шептала, что умирает от его изумительных усов, и терлась о них щеками, носом, глазами...

Он ни о чем не расспрашивал ее, она сама, уже дома, среди ночи, чуть отстранившись от него, рассказала, с пятого на десятое, что была замужем, разошлись, не встречаются, детей нет, родители живут в Петербурге, – вот и вся история. А жизнь в основном на студии. Здесь, дома, у нее бывают коллеги, пьют, веселятся, никаких попыток ни разу никто, пожалуй, за исключением Морозова, никогда не предпринимал, и у него ничего не получилось, потому что ей это было совершенно не нужно. Она вообще до сегодняшнего дня считала, что может запросто обходиться без «левых» связей. И обходилась же! Но что-то вдруг произошло, когда она увидела Сережку, и эти невероятно чувственные его усищи! И вот – результат. Интересно, как они посмотрят в глаза друг другу завтра... нет, уже сегодня, когда рассветет?

Вот тут и родился план побега, который они сперва подробно обсудили, как бы проиграли словесно, а затем вернулись к прерванному занятию, в котором оба продемонстрировали чудеса искреннего темперамента...

Уходя, он пожалел, что за любовными утехами совсем забыл напомнить ей о том, что они собирались заехать в аптеку по поводу новых очков. Но Марина, лениво отмахнувшись, как вальяжная кошечка лапкой, заметила, что, раз ей идут очки его учительницы, она теперь будет оттачивать новый свой имидж.

– А то смотри, – предупредил Сергей, – мы можем с тобой после работы заехать.

Сказал и подумал, что, кажется, переборщил со своими прогнозами.

Но реакция ее была для него неожиданной. Она внимательно посмотрела ему в глаза, попросила нагнуться, он наклонил голову, а она ухватила за его шею и зашептала на ухо, как будто их мог услышать кто-то посторонний:

– Ты хочешь терять драгоценное время на какую-то чепуху?

Ах как он стиснул ее в объятьях... как она застонала – не от боли, от счастья, это всегда нетрудно распознать тому, кто влюблен...

– Карета подана, мадам, – сказал Сергей в открытое окно машины, когда Марина вышла из подъезда, кутаясь и качаясь от ветра.

Она увидела его, замерла на миг и бегом кинулась к машине. Уселась, устроилась со своим пакетом и сумкой.

– Да брось ты их назад, – посоветовал он обычным тоном, каким разговаривают супруги.

– Это я как должна понимать? И часто ты будешь выкидывать такие фокусы? Твоя работа, по-моему, а противоположном конце Москвы.

– Ничего страшного, – пожал он плечами, отъезжая, – просто надо вставать на часок раньше. Нет проблем!

– А твои... – нерешительно спросила она. – Они плохого не скажут?

Ну конечно, он же ничего о себе не рассказывал вчера, не до того было. Он и так с трудом дождался конца ее ночной исповеди. Поэтому она права, проявляя осторожность: одно дело – легкий флирт с женщиной, ну краткая связь – исключительно, а о большем...

– Мои, спрашиваешь? – усмехнулся он и подмигнул ей. – Не знаю, порадует это тебя или огорчит, но все мои сидят сейчас в этой машине. Хотелось бы в это верить, во всяком случае.

– Любопытное признание, – помолчав, сказала она. – А что мешает твоей вере?

– Только ты, ибо, как я вижу, ты еще не пришла к единственно верному решению.

– А из чего ты сделал такой вывод?

– Объясню. Я – следователь, помнишь? И когда я вижу, что молодая, замечательная женщина с потрясающими ямочками на щеках, если она улыбается...

– Это я уже сегодня слышала... от одного усатого... тараканища.

– Повторить не грех, для закрепления информации. Так вот, когда я вижу, как она, проведя бурную ночь с мужчиной, который ей понравился, выходит из подъезда на снег и ветер и, вместо того чтобы оглядеться, увидеть его и сесть к нему в машину, понуро бредет в одиночестве на свою сумасшедшую службу, тогда я говорю себе: спокойно, Сергей Никитович, с вами еще полная неясность. Вы под большим вопросом. Ну, не прав?

– Ах ты сыщик мой ненаглядный! Конечно, прав... А я шла и думала, как ты сегодня посмотришь на меня?.. И отчего-то было ужасно тоскливо...

– Слушай, давай целоваться, у нас это гораздо лучше получается?

– Ну так не на ходу же!.. И разве я возражаю?.. – И чуть позже сказала, вытирая его лицо платком и вынимая помаду, чтобы подкрасить губы. – Я после твоего ухода долго думала и вспоминала. Ты потом, в конце дня, после всех своих разговоров, загляни, я тебе кое-что еще про Леонида расскажу.

– Это как бы соединить приятное с полезным?

– Не будь нахалом. Мне к тебе еще надо хорошенько привыкнуть...

В своей епархии, где, как говорится, и стены помогают, Виктор Пашкин оказался и разговорчивей, и откровенней. А свою необщительность при первом разговоре он объяснил тем, что был ошеломлен известием о смерти друга. Он ведь тридцать первого декабря, как они договорились, целый день звонил Леониду, но не отвечал ни его домашний телефон, ни мобильный. Это, конечно, настораживало. Но Виктор отлично знал, что Морозов предпочитал разведку производить в одиночестве. Темы он разрабатывал обычно опасные «для здоровья», и не исключалось, что за них можно было поплатиться. А рисковать чужими жизнями журналист не имел морального права. И этого принципа он всегда придерживался, что бы ему ни говорили коллеги и начальство, в смысле руководство канала – гендиректор, главный редактор и прочие.

Климов не преминул поинтересоваться, как Морозов сам относился к своему руководству, в частности к Малининой. Мог ли он ей доверять какие-то свои профессиональные секреты? Пашкин, ни секунды не задумываясь, ответил

отрицательно. И объяснил двумя причинами: во-первых, она – женщина, а с ними у Леонида, по твердому убеждению Виктора, не могло быть никаких отношений, кроме интимных. А во-вторых, он вообще предпочитал своими планами розыска ни с кем не делиться.

Далее Пашкин рассказал, что, по всей видимости, пока он искал Леонида, тот встречался с кем-нибудь из своих тайных информаторов. Он им неплохо платил, и они старались. А тема была, как сказано, чрезвычайно острая – рестораны.

Климов, при всем доверии к оператору и зная, почему рестораны интересовали его друга, все-таки не мог поверить, что там, в этой системе, гнездится такой уж страшный криминал. Но Пашкин стал тут же перечислять объекты, которые они с Морозовым уже наметили для съемки, и объяснять «на пальцах», по какой причине.

Ну начать с вопроса: как тот или иной владелец ресторана смог создать и обустроить свой роскошный бизнес ценой чуть ли не в десяток миллионов долларов? Откуда взят первоначальный капитал, если в недавнем прошлом этот хозяин вообще не занимался бизнесом? Но зато был под подозрением у правоохранительных органов как участник криминальных разборок. Правда, прямых улик так и не нашли, а за недоказанностью, как известно, обвинения не предъявляют. Так вот, есть все основания подозревать, что капитал получен преступным путем. А может быть, эти деньги взяты из воровского «общака»?

Совершенно естественно, что уже сама постановка вопроса в этой плоскости грозит журналисту крупными неприятностями. И это только за одно упоминание с указанием названий заведений и фамилий владельцев – в соответствующем контексте. А ведь Леонид не принимал на дух бездоказательных заявлений. И вообще он старался работать по известному еще с советских времен, неплохому, кстати, журналистскому принципу: на страницы газеты ты можешь выложить не более пяти процентов известной тебе фактуры, а остальные девяносто пять обязан оставить в заглавнике, ибо тебе обязательно придется отстаивать свою правоту в суде, и твой обвинитель не должен даже догадываться о том, какие его тайны тебе ведомы. Само собой разумеется, что подобная работа на телевидении требовала не только особой смелости, но и одновременно максимальной осторожности. А Морозов, обладая этими качествами в полной мере, тем не менее не раз подвергался угрозам. Ну то, что постоянно звонили по телефону и предлагали крупные суммы за молчание, это многим известно. Но ведь не только деньги предлагали, немало было и обещаний устроить

показательную расправу. А в прошлом году одно из таких обещаний выполнили.

Надо добавить, что Морозов не верил ни в какие угрозы, он считал их смешными и продолжал гнуть свою линию. Считал, что за правду не убивают, все это выдумки «желтой» прессы. А если и убивают журналистов, то за их собственные криминальные связи. И ничто его не могло переубедить.

А в тот раз речь зашла о шоу-бизнесе. Позвонил неизвестный и категорическим тоном потребовал, чтобы программу сняли всю, без частностей. Его не устраивало буквально все – от начала до конца. Хотя он не знал, какие факты будут фигурировать в передаче, вообще не мог и не должен был знать о ней. Но получалось, что знал. От кого? Большой вопрос. Более того, неизвестный также ничего не предлагал – изменений там, сокращений, – нет, он был уверен, что его слово – Закон, именно с большой буквы. Потом на канале гадали, кто бы это мог быть? Не угадали, конечно, но результаты не заставили себя ждать.

Несколько парней явно славянской внешности встретили подъехавшего к дому на своем «Форде» Морозова и, когда он вышел и запер машину, кинулись на него с милицейскими «демократизаторами» и избили так, что Леонид вынужден был провести в госпитале больше месяца со сломанной рукой и травмами черепа. При этом, как он рассказывал следователю, они кричали: «В следующий раз, когда тронешь шоу-бизнес, останешься без башки! Отпилим!» Они забрали у Морозова его барсетку, в которой были документы и деньги, а также мобильный телефон, имитируя ограбление.

В заключение Пашкин перечислил названия ресторанов, в которых предполагал производить съемку Морозов. Все они были элитные. Даже не побывав там, Климов был уверен, что ему, например, с его доходами там делать нечего, что называется, по определению.

Но, оказывается, у Морозова мысль шла дальше – не просто продемонстрировать широкой аудитории, как отдыхает и развлекается российская элита, нагло обокравшая, с подачи новой «демократической власти», свой же народ, а показать – параллельно, – как он живет, этот самый народ. Сравнить «жизненные уровни и показатели», коренным улучшением которых так гордятся современные ангажированные российские центры изучения общественного мнения, оперируя «дутыми» цифрами. Одним словом, это должна быть бомба с огромным тротильным эквивалентом – без всяких преувеличений. И уж если бы она рванула...

А почему произошло убийство? Вероятно, где-то, в каком-то звене, что-то не так сработало. И тайна вышла за пределы круга, очерченного самим Морозовым. Кто-то предал, кому-то, не исключено, больше заплатили. Или кто-то просто испугался, полагая, что Леонид не может гарантировать источнику информации полной безопасности. И вот – результат.

То есть Пашкин был твердо уверен, что все дело в профессиональных тайнах Леонида. Там и надо искать.

Это проще всего было сказать. А как перевернуть весь этот гигантский пласт информаторов, которые были известны исключительно самому Морозову? Задача практически невыполнимая. Нет, можно, конечно, встретиться с теми объектами, которых для себя наметил Морозов, но вряд ли они что-нибудь скажут. Тем более о происхождении своих капиталов. Фантастика... Но спасибо и на том.

Весь день Климов разговаривал с сотрудниками канала, которые хотя бы отчасти имели отношение к тому, чем занимался Леонид, но больше информации не получил ни от кого, включая «близкого товарища» Эльдара Крыланова. Тот сразу сказал то же самое, что и Пашкин, сославшись именно на факт прошлогоднего избиения. Но, в отличие от Виктора, потребовал, чтобы следователь в обязательном порядке внес в протокол допроса следующую фразу: «Россия вошла в пятерку стран, где чаще всего убивают журналистов». На вопрос следователя, зачем это ему надо и какую задачу шеф-редактор собирается решить ею, Крыланов ответил:

– Даже если констатация этого факта и не имеет прямого отношения к уголовному делу, она должна прозвучать в суде, когда станут судить убийцу и заказчика преступления. Она станет набатным колоколом для руководителей государства, которые не могут обеспечить элементарную безопасность тем, кто борется с коррупцией, бандитизмом и криминализацией общества. А если они не могут, то должны так и сказать обществу: мы не сумели, попробуйте обойтись собственными силами! И будьте уверены, народ решит эту проблему, как решали те же китайцы.

Ну что ж, протокол так протокол...

Климов позже показал эту запись Марине, та прочитала, пожала плечами и заметила:

– Эльдар в своем репертуаре. На словах. А на деле – пустое место. С кем еще успел поговорить, кроме этого болтуна?

Климов, уже считавший, что Морозов был одним из тех, кто охотно выворачивал наружу язвы общества, находя в этом некий даже и патологический интерес, и не больше, с удивлением узнал от коллег Морозова о том, что тот являлся в принципе настоящим бойцом. Оказывается, он работал в Мурманске, когда там разворачивалось следствие по делу о гибели АПЛ «Курск», в дни «оранжевой революции» больше недели провел на майдане Незалежности в столице Украины, и его репортажи не вызывали никакого восторга у «палаточных революционеров», был на похоронах папы римского, вел прямые, достаточно жесткие, репортажи из Беслана и Нальчика в дни трагических событий. То есть Морозов все время находился как бы «на передовой», и это обстоятельство вызывало глубокое уважение у следователя.

А говоря о гражданской позиции тележурналиста, подвел итог своим мыслям по этому поводу Сергей Никитович, надо всегда иметь в виду, что каждый человек, живущий в демократическом обществе, имеет право на свою точку зрения. Поэтому нравится или не нравится тебе точка зрения, позиция журналиста – это вопрос, касающийся больше уровня твоего общественного сознания, твоих убеждений, воспитания и соответственных приоритетов.

Марина удивилась и не стала скрывать этого.

– Тебе хорошо бы у нас на летучке выступить с таким заявлением. А то мои коллеги обожают расписываться за народ, – мол, отлично знаем, чего он хочет. А ты и есть тот самый главный народ. И если сегодня у народа нет более важных дел, я приглашаю его в гости. Я, оказывается, уже соскучилась по народу.

– Гульнем, значит? – обрадовался Климов и расправил могучие усы.

– А как же работа?

– А мы составим рабочий план, чтоб на все хватило сил и времени. Не станем изнурять себя, будто наш сегодняшний день – последний. Кстати, ты мне пока

так и не рассказала что-то новенькое о Морозове.

– А, ну да... Я вспомнила его жалобы... ну не совсем жалобы... Скорее, он хотел подчеркнуть, что без женского внимания ему трудно жить, но, с другой стороны, при том, какие женщины ему оказывают, вообще невозможно. И так плохо, и этак еще хуже. Мужское кокетство, терпеть не могу...

– Но ведь терпела?

– Талант, понимаешь? – Марина поморщилась. – Но как подумаю, что за этим нудным и самовлюбленным позером, в чисто человеческом плане, стоит глубокое знание острейших общественных проблем, поразительное умение в сжатой форме ярко выразить свою гражданскую позицию, так и прощаю... Но суть не в этом. Дело заключается в том, что родом Леонид из Нижнего Новгорода. И там у него, чуть ли не с раннего детства, была как бы невеста, с которой он был обручен. Такая старомодная история. Ну и как это обычно происходит, выросли, нашлись иные интересы, а обязательства вроде бы остались. И они тяготили Леонида, не давали ему жить спокойно. Нет, я, конечно, не думаю, что здесь пахнет отступничеством и какой-то вендеттой, но что-то там все-таки есть. Как говорится, не то он у кого-то шубу украл, не то у него украли, но история темная и неприличная, понимаешь? Что-то у него все-таки было такое, о чем он старательно умалчивал. Даже как бы исповедуясь передо мной. Такой вот идиотизм, по правде говоря...

– Пока я понимаю только одно: ты решила от меня избавиться самым элементарным образом – предлагаешь отправиться в командировку, и чем она будет дольше, тем лучше. Угадал?

– Смотри, будешь так шутить, отменю визит, – сухо сказала Марина.

– Значит, не судьба?

– Господи, какой дурак! И что мне с ним делать, ума не приложу!.. И он мне еще про какое-то общественное сознание толкует!

– А что, красиво перевела стрелку, – улыбнулся Климов. – Я начинаю верить, что у нас получится.

– Что именно? – серьезно осведомилась Марина и поправила очки.

– Это, наверное, страшное дело, когда мужчина и женщина с трудом расцепляют объятия и, тяжело дыша, молча лежат, глядя в потолок и не зная, о чем поговорить.

– Нет, – задумчиво сказала Марина, – мне эти нахальные усищи определенно нравятся... А про Нижний я тебе сказала, чтобы ты подумал. Мне кажется, какая-то психологическая зацепка там все же имеется. Не знаю, в чем она, но чувствую интуитивно... Да, и еще новость. Дирекция канала РТВ собирается назначить премию в миллион рублей, которую получит тот, кто поможет следствию отыскать убийцу Леонида Морозова. Завтра, в крайнем случае послезавтра, в прайм-тайм об этом будет объявлено. Вообще-то у нас впервые такое. Ты не хочешь заработать? – Она усмехнулась.

– Эх, душа моя, ты не представляешь, какая сразу начнется свистопляска... Более того, Генеральная прокуратура, до которой, естественно, докатились уже в первый день Нового года волны общественного возмущения, спихнула тем не менее это дело на Московскую городскую прокуратуру. А наш прокурор навесил его на меня. А теперь разве они упустят возможность немедленно приобщиться к высоким премиям?

– И что, заберут это дело у тебя? Как прежняя практика показывает?

– Заберут, естественно, но пахать на себя заставят именно меня, это как пить дать.

– Обидят, значит, мальчонку?

– Дело в том, что, как ты наверняка знаешь, до сегодняшнего дня еще ни одно громкое убийство журналиста так и не доведено до суда. Всем нам известны и заказчик, и конкретный исполнитель, одного не знаем: как доказать их вину, чтобы при этом обвинение не рассыпалось в суде и не посыпало головы прокуроров пеплом позора. А так – все в порядке. Как пел Утесов? «Все хорошо, прекрасная маркиза...»

– Нехорошо, милый...

Климов даже вздрогнул: Марина в первый раз не в приступе испепеляющей страсти, а совершенно спокойно назвала его так. И он благодарно посмотрел на нее. Но вспомнил наконец и о своем вопросе, поскольку она была все же начальницей, а значит, обладала соответствующей информацией.

– А скажи-ка мне, Марина Эдуардовна... – Климов оглянулся – не подслушивает ли кто? – Вот я от нескольких человек, ваших сотрудников, слышал одну и ту же фразу: «Морозова нет, теперь нас закроют». О чем речь идет? О конкретной программе или вообще о канале?

Марина усмехнулась по поводу его наивности.

– Ни то ни другое. Эти слухи разносятся, не без определенного умысла, я думаю, уже давно. Понимаешь ли, «Честный репортаж» у многих сидит в печенках. Несмотря на то что программа Морозова всегда имела самые высокие рейтинги. Некоторые считали, что нашего «правдолюбца» обязательно, рано или поздно, прикроют. Слишком много высокопоставленных чиновников вляпывалось в такие грязные лужи, попадало в такие навозные ямы, что уже сам факт их вольного или невольного участия в очередной передаче считался для некоторых даже концом карьеры. Так говорят. Но имей в виду, лично я не помню, чтобы после «Честного репортажа» крупно сгорел кто-то из небожителей. Как правило – и Леня это отлично умел – весь пафос его выступлений спускался в конечном счете на головы стрелочников. Вот они действительно страдали. А почему же не пожертвовать пешками, не претендующими на роли ферзей?

– Мне он показался честнее. Впрочем, я же не знаю еще всей вашей кухни. А тебе не могу не верить.

– Это почему же? – удивилась Марина, хитро уставившись на Климова. – Разве у меня особое мнение? Ну скажи!

– Может, и рад бы, да не могу. Что-то не позволяет.

– А что именно?

Климов помолчал, посмотрел на Марину, приподнялся и, склонившись над ее ушком, шепнул:

– Дома скажу.

– С ума сойти... – так же тихо произнесла она. – Тогда, может, я тебе еще дам небольшую наводку? – продолжила она. – Так это у вас называется?

– Ну, скажем, информацию к размышлению, для отработки очередной версии.

– Понятно. Я слышала, что в последнее время у Леонида появились затруднения финансового плана. Ведь собственной агентуре надо платить, и платить хорошо, иначе фиг чего получишь. Вот он вроде и влез в долги, предполагая, что сумеет быстро рассчитаться. А расчеты у журналистов не только денежные бывают, ты, возможно, догадываешься.

– Он что, богатого наследства ожидал? – усмехнулся Климов. – Откуда деньги-то взял бы? Вы ж не миллионеры.

– Естественно, нет. Но есть, чтоб ты знал, разные способы заработать хорошие денежки, причем совершенно открытые, легальные, безопасные. Такие, например, как скрытая реклама. Или скрытая помощь в конкурентной борьбе. Разоблачить конкурента, привлечь к нему внимание прокуратуры, милиции, словом, красиво убрать его вполне дозволенными средствами – это ведь тоже искусство.

– Ты подозреваешь, что Морозов был способен на подобные вещи?

– А это ты выяснишь сам, когда разберешься, против кого было направлено жало Леонида, ну хотя бы в том же ресторанном бизнесе. Морозова нет, но есть те, с кем он собирался встречаться. И у каждого из них наверняка имеется свой антипод. Как у вас принято говорить? Ищи, кому выгодно?

– А ты образованная девочка.

– То ли еще будет, – засмеялась Марина и тряхнула рассыпанными по плечам густыми русыми волосами.

Климов смотрел на нее с восхищением и корил себя: «Эх ты, следак! Даже не заметил, что девушка исключительно ради тебя сменила прическу! Убрала свою

дурацкую, чиновничью дулю с затылка и решила всем продемонстрировать, что у нее прекрасные, душистые волосы, в которые ты же сам, кстати, зарывался вчера ночью лицом и вдыхал их аромат...» И, не находя слов, он просто показал ей большой палец – во! А она, конечно, поняла, по какому поводу был им продемонстрирован этот босяцкий жест...

3

Подсказка Марины оказалась более чем уместной и своевременной. Это что касалось списка «действующих лиц» из ресторанного бизнеса. Ввиду того что ни в карманах убитого, ни дома у Морозова никаких материалов, затрагивающих, хотя бы косвенно, тему этого бизнеса, как, впрочем, и других тем тоже, обнаружено не было, Климову пришлось воспользоваться только той далеко не полной информацией, которой владел оператор Виктор Пашкин. А здесь имелось, на все про все, не более десятка фамилий и трех названий ресторанов. И, кстати, все они странным образом носили имена выдающихся российских полководцев прошлого – Суворова, Кутузова и Багратиона. Правда, последний звучал с грузинским акцентом – «Багратиони».

Ну начинать, так с самого известного. И Климов отправился в ресторан «Суворов», расположенный неподалеку от въезда в Москву со стороны Новорижского шоссе. Но каково же было его разочарование, когда он выяснил у сопровождавшего его охранника – молодого, статного и довольно симпатичного парня в строгой форме с золотыми нашивками, – что названо это элитное заведение вовсе не в честь полководца, а по фамилии хозяина – Петра Егоровича Суворова, который находится на месте, и ему сейчас доложат о прибытии старшего следователя из прокуратуры. А уж как он решит – принять или отказать, – это он один знает. Вот как здесь поставлено дело! Еще «соизволят ли» господин хозяин!

Но хозяин, видно, решил зря не обострять отношений с представителями Закона и сам вышел навстречу. Был он невысок, неприметен внешне, держал себя абсолютно спокойно, как будто никаких грехов за душой не чувствовал. Может, оно так и было, кто ж сомневался? Но Морозов почему-то первым в своем списке обозначил именно Суворова. Вот об этом и стоило поговорить.

Для начала Петр Егорович пригласил господина следователя в свой кабинет, расположенный на втором этаже дома, занимаемого рестораном и еще какими-то непонятными службами. Ибо длинные коридоры и первого, и второго этажа были устланы красивыми ковровыми дорожками, ответвлявшимися в стороны, к закрытым дверям, за которыми, по всей вероятности, располагались либо ресторанные кабинеты, либо же кабинеты, но совсем иного свойства. Пока об этом говорить было преждевременно.

Суворов пригласил «присесть» – это отметил про себя Климов, формула известная, уголовники терпеть не могут, когда им говорят «садитесь». Присядьте – другой базар...

«Суворов, Суворов...», – напрягал память Климов, но ничего не мог вспомнить такого, что хоть каким-то боком высветило бы в его памяти эту фигуру. Ну то, что он из «бывших», – и двух мнений нет, достаточно взглянуть на его пальцы с вытравленными следами татуировок. Новое время – новые песни.

Климов предъявил хозяину свое служебное удостоверение, и Петр Егорович немедленно, едва они сели, выразил глубокое сочувствие и личное соболезнование по поводу безвременного ухода из жизни известного журналиста. Об убийстве Морозова он узнал из телевизионных новостей, сразу, как включил телевизор первого января.

– И за что ж они, суки, толкового парня угрохали? – задал риторический, но вполне искренний вопрос Суворов.

– А вы уже успели познакомиться с ним? – уцепился за кончик ниточки Климов. – Когда и как это было?

– Ну а как же! Он ведь прямо, можно считать, накануне обедал у меня.

– Я, собственно, и приехал к вам именно по этому поводу, – сообщил Климов, не сильно веря в удачу. Но все же... – Для того чтобы расследовать это подлое убийство, мне необходимо буквально по минутам расписать весь последний день Леонида, понимаете? То есть что я говорю? Конечно, понимаете! – поправил себя следователь, призывая свидетеля в свои соратники. – И если уж вы не станете возражать, я бы, с вашего разрешения, хотел бы протоколировать нашу беседу. Нет? Ну спасибо, – поблагодарил, не дожидаясь, пока Суворов обдумает

его предложение. – Итак, когда вы с ним встретились? Встреча была назначена заранее или произошла случайно? Звонил он вам предварительно? И чем объяснял свою нужду? Вот для начала, пожалуй. А потом пойдем дальше. Я вас внимательно слушаю. Только не торопитесь, я буду записывать...

Похоже, Суворову было нечего скрывать от следствия. Неторопливо он начал рассказывать о том, как накануне, где-то около десяти вечера, когда здесь, в ресторане, самая горячка, позвонил Морозов и условился с Петром Егоровичем о встрече на следующий день, в районе двенадцати. До этого времени ресторан бывает еще закрыт, ну разве что в исключительных случаях обслуживают особых клиентов. Каких, он не стал уточнять. А позвонил, собственно, Морозов потому, что еще прежде, с месяц, если не более, назад, Леонид посетил ресторан, пожелал оставить благодарственную запись в книге почетных гостей и сказал, что был бы не прочь снять об этом ресторане и о его приятном хозяине телевизионный репортаж, чтобы показать на всю страну, как надо уметь обслуживать клиентов. Заодно о проблемах рассказать. Кто мешает? Почему чиновники взятки требуют? Ну и все такое прочее. Совсем уже договорились. Тридцать первого специально приехал условиться о съемках, даже отобедать позволил себе. И вот... утром телевизор принес трагическую весть...

Лицо Суворова стало скорбным.

– Вы говорили с ним о проблемах? Не могли бы и мне уточнить, какие вы имели в виду? Не исключено, что именно те люди, которые вам мешали, и могли убрать Леонида, чтобы он не смог сказать доброе слово о вас? Ведь конкуренты на все бывают способны, не так ли? Как думаете?

– Ха, это вы мне говорите? Да если бы не они, я бы тут уже этот... Диснейленд бы заделал! Земли-то бросовые! А как только я малость обустроился, сразу сотня хозяев набежала, которых тут и отродясь не бывало. И все – от управы! Нет, они готовы уступить, но... бандиты, блин! Такие бабки требуют, что не всякому и поднять.

– Однако же, смотрю, вам удастся? У вас ведь не только ресторан тут, верно?

– Правильно подметили. Нынче, как это говорится, каждому, у кого башли завелись, комплексную службу подавай! И то ему надо, и это попробовать... Но если барин хочет, отчего не дать, верно думаю?

– Но все это, разумеется, у вас в законных рамках, так? – Климов задал вопрос таким тоном, за которым уже предугадывался и ответ.

– А как же! Нам без этого нельзя. Тут другой базар Леонида заинтересовал. Мы ж против государства ничего не имеем. Закон есть, его надо слушаться, хочешь ты того или нет. Но ведь у нас как? Государство с его законами, получается, – одно, а чиновники, которые следят за исполнением, – другое. Вот я ему перечислил пяток фамилий, которые с меня взятки тянули, а он спросил только одно: кто из них чем занимается? Я ответил. Он смеется и говорит: а они иначе и не могут. Они должны с каждой сделки свой процент иметь, и ихнее начальство – тоже, и другое начальство, которое над их начальством, – обязательно. И так до самого верху. И я должен заранее, зная это, закладывать в свое дело накладные расходы – специально для чиновников.

– Ну а как вы думаете, Петр Егорович, могли, к примеру, эти ваши чиновники, обеспокоенные тем, что вы назвали их фамилии корреспонденту телевидения, решиться убрать журналиста, чтобы, так сказать, не выносить сор из избы?

– Ни в жисть, – безапелляционно ответил Суворов. – Они подличать могут, но на «мокруху» никогда не пойдут. Против них же нет доказательств! Какие улики? Взятки? А кто их видел?

– Хорошо, они не могли. А конкуренты ваши, вы говорили? У которых вы тут как кость в горле?

– Это про Реваза, что ли? Да нет... У меня «крыша», какой ему не видать! Нет, он, конечно, наезжал, даже одну пристройку поджег. Но у меня действующие менты служат. В свободное от основной работы время. По договоренности, без булды... И им солидная прибавка, и у меня порядок.

– А откуда они?

– Эти-то? А они из Кунцевского и Крылатского ОВД.

Климов на всякий случай пометил себе, чтобы позвонить и уточнить, насколько такая внештатная служба законна вообще. Хотя к его делу все это не имело решительно никакого отношения, но уж, скорее, по привычке.

– А про Реваза вы ему, я Морозова имею в виду, ничего не говорили? Может, это он организовал? Кстати, чем он занимается, этот ваш Реваз?

– Он на Кольце в основном, «крышует» торговые точки. Решил и меня, поскольку мы близко, но я ему посоветовал обратиться к ментам, чтоб те ему объяснили. Вот же суки, чернота эта вся... Скоро в собственном доме перестанем быть хозяевами!.. Извините, вам этого не понять, а мы каждый день сталкиваемся.

– Нет, ну почему же? Я понимаю... А вот мнение Морозова по этому поводу меня интересует. Вы ж наверняка беседовали с ним на эту тему? Что он вам отвечал? Сочувствовал? Нет?

– Тут наши мнения совпали. Хотя он стал философию приводить, что, мол, во всех столицах мира такое происходит... Ну мне до фени, что у них там, в столицах, а вот что в нашей, не нравится. И что зовут их со всех сторон, и сами они, как тараканы, ползут, размножаются. На хрен они кому нужны? Один появится, так за ним вся орава толпой валит... Аулами переселяются...

– Да, это беда всех метрополий... – глубокомысленно как бы подвел итог Климов.

– Во-во! И он тоже это называл... Метрополия, блин...

– Ну так мог Реваз выследить Морозова?

– Запросто, как два пальца...

– Вы, наверное, и знаете, где его найти?

– А ресторан «Багратиони» как раз он и держит. Он и мой хотел, и «Кутузова» тоже под себя, чтоб весь Запад был у него. Только с «Кутузовым» у него тоже обломилось. На Савву где залезешь, там и соскочишь!

– А кто это Савва? Просветите, я в ресторанном бизнесе не силен. И кабы не убийство, возможно, век бы не интересовался.

– Савва-то? Да Савелий Кутузов. Парень в законе, но время такое, что капиталы, извините, под жопой нынче держать запахло.

– А «Кутузов», значит, не в честь полководца? – разочарованным тоном спросил Климов.

– Не, так уж вышло. А там еще и Витька Потемкин – Башмак у него погоняло – свой тоже открыть хочет.

– А вот вы, Петр Егорович, сказали, что Реваз вполне мог «замочить» Морозова. Но вопрос: а с какой целью? На нем много висит? Он – беспредельщик? И ведь его тоже кто-то «крышует»? Или Морозов действительно представлял для него серьезную угрозу?

– Я ничего не хочу сказать про то, кто конкретно содержит и стрижет Реваза, но могу предположить, что это те же менты. Ну сам сообрази, – Суворов доверительно перешел на «ты», – какая им польза нам с Ревазом «стрелки забивать»? А так, пока мы, как собаки, грыземся, им – прямая выгода от обеих сторон. Но это я так думаю, а доказательств у меня нет, можете забыть, потому как я в протоколе подтверждать не стану.

– Ну а если бы вот эту вашу точку зрения – неофициальную, разумеется, – Леонид выдал бы по центральному телевидению? И спросил у милиционеров из Кунцева и Крылатского, сколь долго они собираются продолжать свою политику «разделяй и властвуй», чтобы успешно доить конкурентов, – что было бы?

– А что? – даже и не удивился Суворов. – Да «замочили» бы, и концы в воду.

И тут Климов вспомнил о том, что говорил ему участковый Рогаткин. А ведь что-то в его предположениях и в самом деле есть... Не зря же тот бывалый оперативник высказал соображение о том, что машину Морозова мог остановить в то слишком позднее время суток, к тому же накануне Нового года, только человек в милицейской форме, который для маскировки вполне способен был иметь рядом с собой, в качестве напарницы, женщину. Ведь в таком составе патруль, как мог подумать тот же Морозов, никакой опасности для него лично представлять не должен был – женщина ведь рядом!

Так на кого грешить в первую очередь? На пахана грузинской группировки Реваза Батурию или на родную милицию? И ведь ни к одному, ни к другим не явишься с вопросом: господа, это вы убили журналиста Морозова? Значит, нужна

агентура, которая была бы вхожа в эти «веселенькие» компании. А где ее взять?

Но ничего не поделаешь, надо, следовательно, придется искать. Как иголку в стоге сена.

– Извините, еще один вопрос, – вежливо сказал Климов, который совсем не собирался обострять отношения с Суворовым, напротив, у него уже созрел план, каким образом расколоть теперь Реваза, выставив против него конкурентом Суворова. Да любого, и Савву Кутузова, и Виктора Потемкина – сплошные полководцы! – А сам Морозов, он не говорил с вами о своих планах? Ну, например, как бы хотел построить свой репортаж? Что снимать? Кого снимать? У вас же наверняка элитная публика бывает, не так ли? А многие ли из них согласятся стать участниками репортажа, где будет говориться о наших общественных язвах?

– Я тебе так скажу, – Суворов уже четко придерживался избранной тактики разговора на «ты», тем более что и выглядел он гораздо старше хотя и усатого, но розовощекого еще Климова, – «светиться» захочет редкий дурак. А моя публика, как ты говоришь, она больше тишину уважает. А если шум и крики, так это в специально отведенных для этого помещениях. Массажными они называются, и работают в них такие девки, такие мастерицы, что там тебе и тайский, и китайский, и какой душе угодно массаж сообразят. Вот откушал он, потом с девочками оторвался маленько – и опять за стол. Это – нормальный отдых, он и денег больших стоит. И за дело. Туфты мы не гоним. Даже вот тебе, если появится такое желание, я могу устроить, но, сам понимаешь, бабки-бабулечки прошу в кассу. Скидки, бывает, делаю, но не халявные.

Климов ухмыльнулся, и Суворов уже было подумал, что следак поймается на его крючок. Кому из мужиков неохота оторваться маленько? Но Сергей Никитович в этот момент вспомнил, словно увидел, Марину, распростертую на ее домашнем, таком удобном ложе, с трудом переводящую дыхание, и подумал, что все эти местные, «завлекательные» соблазны – для таких вот, как сам однофамилец великого полководца, но не для него, уважающего в женщине в первую очередь ее бессмертную душу. Ну а потом, конечно, и тело. Красивая душа без хорошего тела живого интереса для него тоже не представляла.

И на скользкий взгляд хозяина заведения Климов, по-казацки подкрутив кончики усов, ответил прямо, чтоб никаких сомнений не оставалось:

– Раз потребность у публики имеется, наверное, это правильно. Но! – Он поднял указательный палец. – Необходимо, чтобы все было в строгих рамках закона. Иначе это бардаком называется! А насчет бардаков у нас строго.

– Ну так а как же! – возвел очи к потолку Суворов. – С этим у нас строго.

– А Морозов воспользовался вашим предложением? Тут ведь тайны особой нет. Опять же, наверное, надо было узнать журналисту, как выглядит изнутри ресторанно-увеселительный бизнес, самому все пройти? Как не попробовать? А? Да уж не темните, мне сейчас дело важнее, а не ваши нюансы. Брал массажистку?

– Так а чего? Нормальное, можно сказать, дело. Хотите с ней поговорить? Можно, без проблем. – Он поднял телефонную трубку и сказал: – Надя на месте? Пусть зайдет. Да как есть. – Суворов поморщился и хмыкнул: – Не здесь же...

Вошла высокая и симпатичная девушка в коротком полупрозрачном голубом халатике, под которым, как увидел Климов и даже подобрался невольно, кроме узеньких плавочек, фактически ничего не было. А фигурка у нее была что надо.

– Сядь вон там. – Суворов показал на стул чуть в стороне. – Вот твой недавний клиент, оказывается, того, загнулся. Убили парня.

Надя никак не отреагировала. Сидела прямо, глядя кукольными чистыми глазами на хозяина.

– Он тебе чего говорил? Во время... сеанса... ну, массажа?

Девушка позволила себе ухмыльнуться:

– Да кто ж со мной станет про службу свою говорить? Значит, у меня тогда работа некачественная. Нет, Петр Егорович, мои клиенты, – она горделиво повела плечиками, – могут только стонать. Когда я из них душу вынимаю. Да вы ж знаете...

– Чего я знаю, не твое дело, – сердито оборвал ее явное хвастовство Суворов и посмотрел на следователя: – Спросишь чего?

Климов, с улыбкой оглядывая девушку, отрицательно помотал головой. Но, подумав, спросил-таки:

– А во сколько у вас с ним этот... сеанс начался? Сколько длился?

Ответил Суворов:

– За обычную плату сеанс массажа длится час. Иногда полтора. Но бывает и дольше – это уже отдельно. У них там ценник висит, можешь посмотреть.

– Значит, Морозов находился у вас с двенадцати и?..

– До трех, – подсказала Надя.

– Да, в три он уехал, – подтвердил Суворов и словно прицелился взглядом в Климова. – Сам не желаешь попробовать? Как это у них, у тайцев этих, а? – Он скабрёзно ощерился, явив совершенно идеальной белизны зубы. Искусственные, конечно, свои-то наверняка зона доконала.

– Я сегодня не по этой части, Петр Егорович. А девушка, ничего не скажу, красивая... Значит, с Морозовым у вас никакого разговора не было?

– Ну почему? – возразила она. – Он расспрашивал, как и с кем живу, сколько получаю, нравится ли работа? Говорил, что снимать в телевидении будет. Но как это? Ну когда лицо затемненное, чтоб его видно не было. А фигура – сколько угодно. Оплата у нас через кассу, а так – чаевые. Он не жилился.

– Изнутри, получается, изучал поточное производство? – не мог, чтоб не съязвить, Климов.

Но девица Надя все приняла за чистую монету:

– Ага, мы его снаружи, а он нас – изнутри! – и фривольно хихикнула.

– Ну-ну! – вмиг построжел Суворов. – Брось свои шуточки. Тебя серьезно спрашивают.

– Ну так и я, – не сдавалась Надя. – Петр Егорович, вы будете долго? А то там уже первые клиенты подходят...

– Ладно, иди. – Хозяин махнул рукой и, когда девица вышла, добавил: – Вот такие они все. Хорошие девчата. И зарабатывают достаточно. К зарплате – чаевые. А тот же Реваз своих бы кобелей нагнал, и те бы девок за так пользовали... Ну, видишь теперь разницу?

Климов видел. Как понял и то, что здесь фактически работает хорошо отлаженное публичное заведение. И вспомнил в этой связи старинный анекдот. Какая разница между бардаком и публичным домом? Отвечаем: публичный дом – это отлично налаженное производство наслаждений, а бардак – это стиль руководства. И в те годы, когда рассказывали этот анекдот, он наверняка был жутко смелым!

Понимая, что большего он сегодня, видимо, от Суворова не добьется, тот и так достаточно «открылся», Климов все же решился еще на один вопрос. Пока у обоих настроение благодушное и контакт вроде бы установился.

– А скажи мне, Перт Егорович, вот ты, вижу, опытный... больше того, мудрый человек, раз такое дело с душой делаешь, верно?

– Стараюсь, – снисходительно ответил Суворов, принимая, однако, комплимент.

– Тогда скажи мне... Не для протокола, не для следствия... Я просто по-человечески понять его хочу, этого журналиста... Сугубо между нами, слово даю. Вот такая реклама твоего заведения по телевидению – она дорого тебе обходится? Или обошлась, я не знаю? Но ведь теперь же все продается, верно? А роскошная реклама, да с проблемами, да еще с антуражем, после чего все сюда побегут, – это серьезное подспорье для успешного бизнеса, так? Или я не понимаю?

– Правильно ты понимаешь... – Суворов покачал головой. – Хорошие бабульки он увез. Но это дело – недоказуемое. – Он хитро подмигнул.

– Да я тебе слово дал! И не собираюсь ничего доказывать. Но вот мысль мелькнула. Ты ему когда деньги отдал, в тот день?

– Ну?

– Знаешь, почему спрашиваю? А не мог ли это быть просто грабеж? Кто-то узнал либо подглядел, вот и решил воспользоваться? Ведь при нем в ночь убийства ничего не нашли – ни бумажника, ни документов, ни «мобильника».

– А что, запросто... – подумав, ответил Суворов. – Пять кусков – нехило... И Надька, это она так, для фасона, а он у нее был халявный... я сам велел, чтоб по высшему разряду обслужила... И она – девка старательная. Эх, – вздохнул он, – промахнулся, видать, бабки на ветер, и не будет никакой твоей рекламы... Ты там, у них, не слыхал: пойдет передача?

– Вряд ли... Но я узнаю – позвоню, – пообещал Климов, вставая. – Телефон я у тебя записал...

«А я, кажется, знаю, куда они могли уйти, эти денежки... – сказал себе Климов. – Узнать бы еще, кто кредитор?.. И если Леня вернул ему свой долг, то, значит, версия с кредитором отпадает...»

Уже покидая ресторан, решил для себя: «Надо будет сегодня обязательно поделиться своими впечатлениями с Мариной... А интересно как получается: внешне она – сухарь сухарем, даже словно нарочно подчеркивает свою незавидность, неприметность. Зато когда раздевается – ого!.. Странное дело, а вот эта Надя, у которой все видно, совсем не трогает... Наверное, потому, что это – ее профессия. И она – не для любви предназначена, а для удовлетворения похоти. Пожрал, выпил, сбросил напряжение – и за работу! Бабульки лепить... Вот, видно, и эту проблему решал здесь для себя Леонид Морозов – он же, говорила Марина, дотошливым был, во все влезал сам... А пять тысяч долларов – очень неплохой гонорар, не облагаемый к тому же налогами». Правда, не знал Климов, какие вообще гонорары считаются «неплохими» на этом телевидении. Надо будет тоже у Маринки спросить...

Итак, зафиксировал Климов, Леонид Морозов в свой последний день появился у Суворова в полдень, а уехал в три. Куда? К своему кредитору? Или он мог отправиться к конкуренту Суворова?.. А что, в этом тоже имелся свой смысл... Но это уже следующий вопрос. Виктор Пашкин сказал, что у Лени были свои собственные агенты на тех объектах, где он работал. Впрочем, возможно, он пользовался в какой-то степени еще и милицейскими связями, и это все

предстоит выяснять и выяснять... И когда успеть?..

Во всяком случае, здесь, у Суворова, делать было больше нечего.

А интересно, как отреагирует на визит следователя Реваз?..

4

Вот ведь, кажется, почти все знаешь о человеке: и где он бывает, и чем занимается, а как доходит до того, чтобы найти его, увидеть, вопрос нужный задать, так – извините. Не знаем такого, не видели, не встречали... Да оно и понятно, криминальный мир не выпячивает своих связей и контактов.

Понадеявшись на собственные силы и умение, Климов отправился напрямик в «Багратиони». Ресторан как ресторан, не хуже и, вероятно, не лучше того же «Суворова». И обслуга похожая, и кабинеты вдоль длинного коридора, – видать, все те же «секс-массажные». Разница только в обилии черноголовых парней – с синими от щетины щеками и гортанными, наглыми, как у стаи прожорливых воронов, голосами. Оно и понятно – диаспора...

Климов спросил у одного, у другого, где он мог бы срочно увидеть хозяина этого заведения? В ответ было выказано отчужденное недоумение, более даже напоминавшее реакцию нормального человека на присутствие надоедливой осы.

– Слушай, зачем тебе, а?

– По делу.

– А ты кто такой, слушай?

– Следователь прокуратуры.

Ответ не поколебал уверенности случайных собеседников. Даже отчуждения в их выпуклых глазах не прибавилось – только ленивая брезгливость.

– Слушай, ты зачем пришел? Кушать? Так иди и кушай! Не занимайся пустяками, аппетит испортишь, а? Иди, иди... Мало, что он тебе нужен, ты ему, слушай, нужен? Иди кушай... Если ты ему понадобишься, он тебя сам найдет...

«Кушать» после сытного обеда у Суворова, заплатить за который, как ни пытался Климов, ему так и не удалось, было бы просто обжорством. А вызывать на помощь милицию, чтобы помогла ему обеспечить встречу с Ревазом Батурией, никакого смысла не было, она же наверняка вся у него скупленная на корню. И сделает все, чтобы он вообще ничего тут не узнал – продажные ведь шкуры, кормятся они тут...

Но беспокойство все-таки своим неожиданным визитом он у этих сукиных детей вызвал. Во-первых, сразу заметил, как за ним стали наблюдать, причем не тайно, а внаглую, откровенно. А во-вторых, на выходе его вдруг остановила милицейская группа, выбравшаяся из подъехавших «Жигулей».

Вперед, навстречу Климову, вышел крупный и плотный, в синем зимнем камуфляже, видимо, старший группы, а двое других немедленно направили на одетого в обычную дубленку Климова свои короткорулые автоматы. Сергей Никитович обернулся и увидел сзади ухмылявшиеся рожи преступных жителей Грузии, предпочитавших красть и убивать все-таки в России, где, как они почему-то абсолютно уверены, им все сойдет с рук. И ведь сходит, вот в чем главная беда!

– Документы! – грубо потребовал милиционер с плохо различимыми на его плечах звездочками – не то две, не то три, а в общем, лейтенант, и протянул руку в варежке.

– Старший следователь Управления по борьбе с организованной преступностью и терроризмом Московской городской прокуратуры, подполковник юстиции Климов. Почему не представились по форме? – рявкнул он и полез во внутренний карман за удостоверением.

Климов, конечно, рисковал. Кто их знает, что задумали те «кавказские лица» и эти, явные холуи, примчавшиеся по первому же сигналу. Однако начальственный окрик оказался привычнее. Милиционер небрежно, но все же отдал честь и доложил невнятно:

– Старш...ант ...вирида... – и, помолчав, глядя в строгое лицо усатого Климова, медленно раскрывающего перед глазами «старш...анта» свое удостоверение, добавил: – Пятьдесят шестое от... мил... Кунцево... Сигнал поступил.

– Какой сигнал? – так же строго спросил Климов. – От кого?

– От этих... – почти брезгливо бросил милиционер. – Шляется, мол, выискивает чего-то... Проверить надо. А вы чего тут искали?

– Это дело прокуратуры. Вас не касается.

– Нас тут все касается, – снисходительно ответил, хмыкнув при этом, милиционер. – Хохол, что ль? – спросил неожиданно.

– Не угадал, лейтенант. А вы быстро примчались... Постоянно тут пасетесь? Чтоб у этих забот с законом было поменьше? Ладно, свободны.

Климов безнадежно махнул в его сторону рукой и пошел к своей машине. И поехал он не к себе на службу, а напрямик в МУР, в «убойный отдел». Передавая Климову бразды расследования, московский прокурор сказал, что он может взять в свою бригаду оперативников из МУРа, договоренность об этом с руководством уголовного розыска имеется. Но пока Климов обходился без них, а теперь потребовалась их конкретная, адресная поддержка, и в первую очередь их собственной агентурой. Ибо задуманное Сергеем Никитовичем пусть и отдавало авантюрой, однако могло и принести результат. Например, хотя бы для того, чтобы следствие могло отказаться от одной из версий, каждую из которых ты, уверен в ней или нет, тем не менее обязан полностью отработать.

«Ничего, – размышлял он, поглядывая в зеркальце заднего обзора и считая, что теперь менты просто так с него не слезут, обязательно повиснут „на хвосте“, – эти „вороны“ сейчас забегают. Им уже наверняка прикормленные холуи все доложили, и они будут сами искать возможности для контактов. Что ж они, полные идиоты? Не соображают, что если к ним приехал из Московской прокуратуры не кто-нибудь, а... ну и так далее, то определенно не для базара по пустякам. И если тот же Реваз Батурия решил легализоваться, ему такие непонятные визиты совершенно ни к чему... Они явно таят в себе опасность... Ага, вон и машинка появилась наконец...»

Это был далеко не новый «БМВ» черного цвета. Но шел он хорошо, гораздо быстрее климовских «Жигулей». И скоро стал догонять. А Климов и не торопился, дал себя обогнать. Он как раз ехал по Новорублевской улице в сторону Рублевского шоссе, чтобы по нему пересечь МКАД и выехать к центру. Движение здесь было не очень плотным.

«БМВ» обогнал его и притормозил впереди, показав стоп-сигналами, чтобы Климов тоже остановился. Ну что ж, можно и постоять. Из передней машины выскочил плотный, почти квадратный мужчина в распахнутом черном пальто до пяток, с крупной, лысой головой и быстро приблизился к «Жигулям». Климов предупредительно опустил стекло.

– Слушай! – с ходу с сильным акцентом затараторил мужчина – либо сам Реваз, либо кто-то из его приближенных. – Мне сказали...

«Значит, сам Реваз», – решил Климов и, открыв дверцу, выбрался из машины. Реваз ростом с трудом доставал ему до середины груди и потому вынужден был задрать голову.

– Что тебе сказали? Почему таких грубиянов держишь? Почему невежливые? Кто же после этого с вами разговаривать захочет?

– Я им уже свое сказал! – Реваз взмахнул, как отрубил, рукой. – Серьезный человек приехал! Важный! А вы – как... не знаю кто... Не обижайся, слушай! Поедем назад, посидим, поговорим, скажешь, зачем приехал, а? Нехорошо, слушай! Не обижай! Нехорошо гостю хозяина обижать! Разговор есть, пусть будет разговор, извини за тех дураков...

– Ну хорошо, – изобразив «трудное раздумье», решил наконец Климов. – Поедем, действительно серьезно поговорить хотел.

– Садись, – Реваз услужливо открыл ему дверцу, – мы впереди поедем, чтоб никто не останавливал.

«Вот оно как поставлено здесь дело: когда Реваз едет, никто не должен его останавливать... – покачал головой Климов, трогая машину следом за развернувшимся „БМВ“. – Да полно, Москва ли это? Или какой-то заштатный грузинский городишко?» И повторил про себя мысль, возникшую при первом

посещении «Багратиони»: «Все досконально известно про этих уголовников, а посадить не можем... За руку ж не поймали!»

Реваз должен был точно знать, зачем приезжал и почему требовал встречи с ним этот «важняк» из горпрокуратуры. По пустякам эти люди сами ездят только на задержания, причем не в одиночестве, а во главе группы захвата. Уж это знал на собственной шкуре старый «законник» Батурия. А если один приехал, это означает, что у него нет к Ревазу недоверия. Как же можно грубить? Ты узнай сначала, в чем дело...

Климов отказывался от застолья, но Реваз уговорил его на чашечку хорошего кофе по-турецки. От коньяка Климов категорически отказался: за рулем!

Батурия смотрел выжидающе, но не торопил гостя. И Климов начал рассказывать о том, как накануне Нового года нашли убитого телевизионного журналиста Морозова недалеко от дома, где тот проживал. И вот, изучая различные версии, следствие пришло к выводу, что причиной убийства вполне могла стать профессиональная деятельность Морозова.

Реваз внимательно слушал, не перебивая вопросами, и Климов по его реакции видел, что тот либо талантливо, по-актерски, скрывает, что знаком с Морозовым, либо действительно не знает, кто он такой. И слушает он тогда, считая, видимо, что это предисловие к чему-то, что должно его дальше определенно касаться. С одной стороны, это хорошо, а с другой – доигрывать партию надо было все равно до конца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/neznanskiy_fridrih/smertel-nyy-labirint

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)